

ЭХО МИШТАР
север и юг

ЭХО МИШТАР
вершины и пропасти

Софья Ролдугина

Эхо Миштар

вершины и пропасти

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р67

Иллюстрации в тексте на обложке
и нахзаце *Илоны Шавлоховой*

Карта на форзаце *Анны Лужецкой (Ааегупп)*

Леттеринг названия *Нади Совы*

Разработка серийного оформления *Кати Петровой*

Дизайн переплёта *Радия Фахрутдинова*

Ролдугина, Софья Валерьевна.

Р67 Эхо Миштар. Вершины и пропасти / Софья Ролдугина. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-186885-7

Случается иногда, что мир приходит в движение – и тогда не отсидеться ни в горах, ни в пустыне.

Зреет на севере пламя бунта, и чем дальше, тем больше противятся сыновья лорги воле царственного отца. А во тьме поднимает голову третья сила — алчная, жестокая, и не будет от неё никому пощады.

На юге храм схлестнулся с конклавом, восстали рабы в оазисе Кашим, и ведёт их за собой всадник с колдовским мечом, с печалью в сердце... А под барханами дремлет старое зло — и скоро настанет время ему пробудиться.

Между севером же и югом скитаются двое. Алар, странник-эстра, хочет вновь обрести утраченную память — и новое место в мире, который теперь не узнаёт. Фогарта Сой-рон, учёная-киморт, ищет потерянного учителя, того, кому всегда принадлежало её сердце...

Вот только они не знают, сколько боли принесёт им эта встреча.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186885-7

© Ролдугина С., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

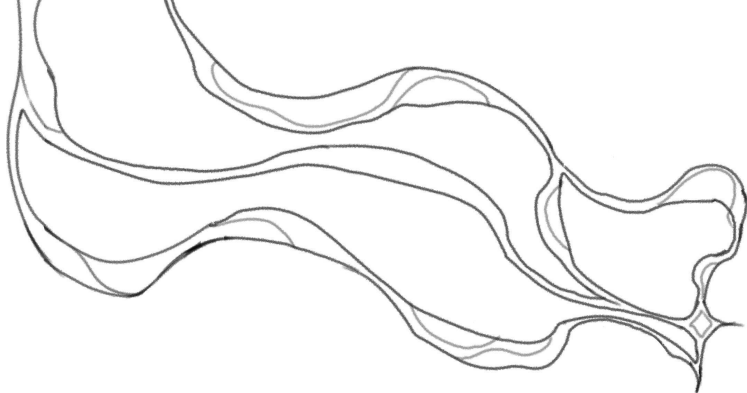
*Моей подруге Ленте, без которой этой книги
не было бы вообще — а ещё Жене, Мари и Хайм,
без которых она была бы совсем другой...*

*...и всем-всем, кто покидает дом,
чтоб отыскать утраченное
или отправиться за мечтой.*

Эта история — для вас.

ПРОЛОГ

Много я повидал чудес, а привыкнуть не могу. Говорят, что более прочих славится небывальщиной юг. И сложно поспорить: чего только не увидишь среди барханов великой пустыни! Есть там деревья с гору высотой, ствол чёрный, а листья серебряные, и каждый из них — погибель. Есть караваны из мертвецов, издали — точь-в-точь как живые: едут люди верхом на тхаргах, катятся повозки, трубит заунывно рог, звенят колокольчики... А присмотришься — и ахнешь: что наездники, что скакуны — кожа да кости, глаза чёрные и ссохшиеся, языки набок висят, а роскошные одежды уж давненько истлели, как паутина на просвет. Рыщет такой караван, рыщет — поживы ищет. А пропасти бездонные? А садхам — красный вихрь? А проказливый зверёк эль-шарих — юркий, ушастый, о двух хвостах и с ладошками, как человечьи, только маленькие? Этот, рассказывают, спас столько же людей, сколько и погубил, и нипочём ему ни солнце, ни мертвоходцы, ни зыбучие пески.

Даже я, Сэрим, не поручусь, что с эль-шарихом управлюсь без своей флейты.

Восток тоже богат на диковины. Чего только стоит Шимра, жемчужина Ишмирата! Во всём мире, пожалуй, второго такого города не сыскать. Шимра живёт чудесами — и немудрено, ведь здесь кимортов больше, чем на всём юге и севере вместе взятых. Там, на базаре, можно купить всё что угодно: и морт-меч, одним взмахом способный заковать Рукав Мира льдами и остановить бурное течение, и шкатулку, в которую уместится целиком ездо-

вой гурн с ушами и хвостом, и тончайшие шелка, что не горят в огне, зимой согревают, а летом охлаждают. А средоточие чудес — цех кимортов. Стены в том дворце из благоуханного белого дерева, крыша — из тончайшей розовой яшмы, а во внутреннем дворе цветёт, не увядая, вечная эрисея, и трепещут в призрачном свете пунцовые лепестки... Любое чудо подвластно кимортам, и нет ничего, перед чем бы они отступили — кроме разве что смерти или сброса.

И хоть люблю я восток, а всё же редко там бываю: устаю от великолепия, да и тамошние вельможи больше ценят изысканный перебор семиструнки, чем флейту и её печальный напев.

Есть чудеса и на севере — горы, чьи недра полны самоцветов, и плодородные туманные долины вокруг Ульменгарма, и Седая Хродда у самых гор — неприступная твердыня, возведённая кимортами в незапамятные времена. Ходят легенды, что в ту пору они оборонялись от напасти, перед лицом которой пали все прочие земли, но что нам до тех легенд? Ныне от былого величия севера только старая крепость и осталась... А ещё люди. Таких искусных мечников поискать в целом свете — и не найдёшь! Говорят, у них пламенные сердца и очи, что видят любую ложь.

Я не знаю — не проверял, но обманщиков на севере и впрямь поколачивают исправно.

И если уж речь зашла о диковинках, то скажите на милость, разве ли видано такое, чтоб юная дева покинула Шимру наивной ученицей, за которой глаз да глаз нужен, но уже через полгода превзошла своего учителя в силе? Истинно вам говорю, правда это — провалиться бы мне на месте, если б я солгал! Но только вряд ли расскажет вам та дева, какой ценою далось ей это чудо, что она потеряла, а что обрела... Да и мало кто понял бы её, даже если бы она и рассказала.

Или вот ещё чудо — встретить посреди далёких земель, там, куда не чаял уже вернуться, старого друга.

— Орра, Дёран! Надо же, и впрямь ты. То-то мне стон семиструнки издали знакомым показался, аж сердце прихватило да уши заныли...

— И тебе привет, Сэрим, приятель! Да и мне что-то вдруг захотелось рукою кошель накрыть и монеты пересчитать: ну, думаю, не иначе ты где-то рядом ходишь.

Он хохочет, да и я не отстаю; он сказитель, и я музыкант, а оба два мы — бродяги без роду без племени. Кому дружить, как не нам?

Приметив по запаху приличное заведение, беру по стакану горячего вина — не из раймы, но тоже неплохого — и мы садимся в свободный угол. Пока Дёран пристраивает рядышком чехол с семистрункой, разглядываю приятеля исподтишка. Он ничуть не изменился, только снова волосы стали короче, а взгляд — печальней; не иначе, потерял кого-то близкого не так давно.

И я догадываюсь даже, кого... Но прежде чем успеваю сказать хоть что-то, Дёран оборачивается ко мне и говорит:

— Послушай, приятель, и как там сейчас — на юге?

— Так же, как и всегда, только хуже, — пожимаю плечами. — Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть, правда, и добрые вести. Город Дабур, что далеко на юго-востоке великой пустыни, получил избавление от эпидемии. Долгих полгода бродила смерть по его улицам, не различая правых и виноватых; городской совет же постановил сокрыть правду, чтобы не потерпеть убытков, затворили ворота и подкупили проводников. Несогласных казнили. Перестали туда ходить караваны, кроме немногих избранных — или особенно несчастливых: те, кто всё-таки добирался до Дабура, обречены были остаться в его стенах, желали они того или нет. Спасение принесла благочестивая дева-киморт. За дюжину дней она исцелила больных без счёта и даровала городу волшебную храмовую чашу на случай, если напасть вернётся. Деву-киморта прозвали Избавительницей, и вознесли ей хвалу, и много почестей оказали... Однако разве же может южанин удержаться, если почует запах поживы? И разве же оставит какой правитель в живых свидетеля своей слабости и подлости? То-то же. Коварный Абир-Шалим арх Астар, глава совета, хитростью пленил деву-киморта, одурманил её и продал работорговцу из Кашима. Вот только радовался он недолго! Услышав о творимых советом беззакониях, конклав направил к городу отряд всадников-арафи,

и ныне головы виноватых украшают пики над городскими стенами; в честь Избавительницы же в храме установили изваяние в образе Благодатного Ветра Дождей.

Перевожу дыхание; а Дёран, опустив глаза долу, говорит только: — Вот как.

Мне, право, становится немного обидно — самую малость.

— Это ещё чего! — добавляю я с азартом и чуть наклоняюсь к нему заговорщически. — В городе-оазисе Кашиме случилось чудо, какого уже лет триста не видывали. Дождь пошёл. Да какой дождь — ливень, с громом, с молнией! Улицы ненадолго обратились полноводными реками, а в небе раскинулась двойная радуга — знак великих перемен. А виной всему, говорят, дева-киморт. Увидела она на базаре человека, обманом проданного в рабство, осерчала — тут-то буря и налетела. Торговец неблагочестивый тут же покаялся в обмане, отпустил того раба, а с ним вместе ещё дюжину; за ним и другие повторили, не дожидаясь, пока дева-киморт обратит на них ясный взор, и за то прозвали её Освободительницей, а ещё Подательницей Воды — за ливень. Послала за ней сама михрани, желая испытать её мудрость за игрой в на-джи, но была посрамлена и повержена. Послал за ней и младший сын михрани по имени Ачир, но был он, в отличие от царственной своей матери, учтив и добродетелен, и за то дева одарила его дюжиной колдовских мечей, равных которым по силе нет. И недалёк уже тот день, когда власть в городе перейдёт к нему, а он... а он, говорят, рабство терпеть не будет.

Снова умолкаю, смотрю на Дёрана, жду, что он скажет. А он повторяет растерянно:

— Вот как.

И тут я, признаться, уже сержусь.

— Тебе как будто бы всё равно, — упрекаю его. И подвигаюсь ближе, понижая голос: — Ну, слушай, этого-то тебе никто не расскажет, кроме меня... В конклаве нынче наметился раскол. Издревле пять сотен семей правили пустыней; пятьдесят благородных мужей делили силу между собою, а пятерым давалась особая власть: один всадниками повелевает, другой страже приказы отдаёт, третий налоги собирает, четвёртый дорогами да источни-

ками ведаёт, а пятый — добычей мирцита. И вот так случилось, что завладел рудниками паршивый пёс Ата-Халим — ох, и поганный же человецишка! Гордыня ему досталась от матери, что род ведёт от всадников-арафи, а подлость и изворотливость с жаждой наживы он унаследовал от отца, кашимского купца. А чем оазис Кашим славен?

И тут Дёран наконец выходит из забвения — и кривится.

— Как не знать, — говорит он, а его смазливое лицо на мгновение жутким становится. — Только славой бы я это не назвал. Из людской крови, из горького горя там золото добывают — Кашим свои богатства на рабстве сколотил.

— И будь уверен, что Ата-Халим — истинный кашимец, — усмехаюсь. — Первый он среди подлецов, и среди палачей, и среди предателей... Что уж говорить, сорок лет тому назад он собственную дочь продал в рабство за то, что она отказалась идти к нужному человеку третьей женой в гарем и хотела убежать с торговцем-северянином в Беру! Говорят, что треть рынка в Кашиме принадлежит Ата-Халиму. И вот такой человек — где обманом, где лестью, где угрозами — заполучил место в конклаве и прибрал к рукам мирцитовые рудники! А у кого мирцит, тот и суд вершит, как в пустыне говорят... И давно бы он весь конклав под себя подмял, если б не сопротивление храма Пяти Ветров. Жрецы-то давно зуб точили на работорговцев, ведь Благодатный Ветер Дождей запретил человеку владеть другим человеком, а Справедливый Ветер повелел не терпеть зла. Вторая по силе в конклаве — Вещая Госпожа Унна, жрица Ветра Карающего, и Ата-Халиму она спуска не даёт, а городская стража ей опора. Всадники-арафи же Ата-Халима поддерживают, да и сборщики налогов тоже, говорят, хоть прилюдно не склоняются ни одному, ни к другой... Долго держалось хрупкое равновесие, пока в Город Ста Чудес, великий и славный Ашраб, не явилась дева-киморт, оваянная славой. Шла она по следу работорговцев, коварством и подлостью пленивших двух молодых кимортов с севера, брата и сестру — и, заручившись благословением Вещей Госпожи, сумела отыскать безвинно пострадавших и жестоко наказать виноватых! И кто б, ты думал, осмелился попать все законы и ки-

мортов продать в рабство? Племянник Ата-Халима, подлый Радхаб! Благородная дева-киморт обрушила на него справедливый гнев, и багряный вихрь, садхам, поглотил в один миг поместье, где творилось беззаконие! Радхаб попытался отомстить и послал за нею вдогонку убийц, но ясноокая дева разметала их одним движением руки, и горе было тем, кто не внял предупреждению и атаковал снова... Лишь один из десяти наёмников вернулся живым. И знаешь, как прозвали тогда в Ашрабе деву-киморта?

Дёран легонько касается семиструнки, и она отзывается вздохом-трелью.

— Несущей Возмездие? Справедливой? — улыбается он краешками губ, точно вспоминает кого-то родного.

А я только вздыхаю:

— Рождающей Бурю. Ибо теперь, после такой пощёчины, ни Радхаб, ни дядька его Ата-Халим не сумеют усмирить гнева, а Унна, благородная Вещая Госпожа, не станет терпеть несправедливости. Она, я слышал, уже выступила в конклаве, обличая злодеяния Ата-Халима, и всадники-арафи собираются к Ашрабу с разных концов пустыни, а храмы во всех оазисах, больших и малых городах, вывесили на стены знамя Ветра Карающего. Нет, не быть миру... А дева-киморт — Избавительница от недуга, Подательница Воды, Освободительница и Рождающая Бурю — двинулась к северу. К слову, дружище, как тут дела-то... на севере? — добавляю несмело, ибо и желаю, и страшусь услышать ответ.

Дёран молчит, и сердце у меня замирает.

— Так же, как и всегда, — говорит он наконец. — Только хуже. Нет в этой земле ни мира, ни покоя... Есть у лорги два сына, которых он больше других выделяет — Мирра, наместник юга, и Кальв, наместник востока. Прежде были они не разлей вода, а нынче глядеть друг на друга не могут — сразу ругаться начинают; и добро бы только ругались, так и десятидневья не проходит, чтоб одна дружина с другой на границе не схлестнулась. А лорга вместо того, чтоб сыновей осадить, помирить, только масла подливает! Дряхлый старик уже, что пень гнилой, а всё туда же — за власть свою боится... Между тем дальние деревни в упадок приходят; дети-киморты давно уже там на свет не родятся, а где

родятся, добра, как сказывают, не приносят. Так в одно поселение на северо-востоке, что раймой промышляло, зачастили мертвоходцы. Сперва по одному, затем по двое, а после уже и вовсе житья не давали! Даже огненная ограда, мастером сработанная, и та не помогала... И быть бы большой беде, большой крови, если б не появился там откуда ни возьмись эстра — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. Быстро он отыскал способ отвадить беду: мертвецов своей силой привлекала девочка-ки-морт, которую мастер от жадности да по глупости отказался отправлять в цех на воспитание. Мастера эстра отчитал, а девочку пожалел и взял в ученицы; наутро он тронулся в путь, и с тех пор мертвоходцы к деревенским воротам, говорят, не приближались. За то его Справедливым прозвали — мол, хоть и строг он, а беспристрастен.

Дёран говорит — семиструнка отзывается перезвоном, тихим-тихим, как вздох. А я слушаю — и вижу, как наяву, да только не то, о чём он рассказывает, а то, что давным-давно было. Города-крепости в горах, возведённые из белого камня; узорчатые мосты, переброшенные через пропасти; глубокие шахты, где невиданные сокровища добывают, и дороги, прямые и широкие, и всадников, что по тем дорогам летят, и стелются за ними по ветру зелёные плащи с рыжей меховой опушкой...

Всё это взаправду было, а нынче стало старой-старой сказкой.

Города заброшены и заросли лесом, от дорог и воспоминания не осталось, ажурные мосты обрушились, и лишь кое-где остовы торчат, как обглоданные кости.

Сердце — глупое и жалкое — трепещет.

— Да, — выдыхаю еле слышно. — Бывает и так.

А Дёран вскидывается, кладёт на колени семиструнку, ставит чуткие пальцы на струны, и льётся тихая музыка.

— Это ещё что! — говорит он и лукаво улыбается. — Слышал ли ты, как прохожий странник вернул воду в Беру? Ну так слушай. Ещё в незапамятные времена кудесница Брайна подарила городу чудесный источник. Зимой он не перемерзал, летом вода лилась прохладная и чистая-чистая, и никакие засухи ему были нипочём. И тут нынешней весной вдруг затряслись горы, захо-

дили ходуном, а источник обмелел. Поначалу никто в том большой беды не видел — есть и другие колодцы, и ключи, и ручьи... Но городской-то голова знал, что первая же засуха погубит Беру, а потому искал пути к спасению; но не так-то это было легко — нынешний лорга кимортов не привечает. И тут явился откуда ни возьмись эстра с ученицей — не то из-под земли вырос, не то с неба упал! Слово за слово, разговорился с городским головой — да взялся за сложное дело. Воздел он руки — и задрожала земля, горы ходуном заходили, послышался гул... а потом как взмыл вверх фонтан воды, как загорелась радуга! Целый день, говорят, она над городом провисела. Воды в источнике Брайны стало столько же, сколько и прежде, если не больше; а сама она прежде мечом в землю указывала, а нынче в небо целится. Эстра в городе долго не пробыл, дальше пошёл, а людская молва его новым именем наградила — Хозяин Вод. Ну, каково?

Дёран улыбается, смотрит на меня чуть исподлобья, ищет, как ишмиратские девы, и седая коса у него перекинута через плечо, а серые бродяжки одежды словно бы отсвечивают травяной зеленью, как в прежние времена, и будто бы проступает на них искусная вышивка... И вижу я, как наяву, Брайну-Кудесницу — ту, что была и лоргой, и кимортом, и искусной воительницей; давно она жила, но оставила по себе великую славу. Это она проложила в горах дороги; она отстроила дивные города, похожие на оживший сон; это её усилия растревожили недра гор, и...

Впрочем, неважно — больно давно всё было.

Нынче от неё только осталось, что один источник на юге, в Бере, и одна крепость на севере.

И память. Память жива ещё, да.

— Надо же, — вздыхаю, отводя взгляд. — И так бывает.

В груди щемит.

А Дёран, задетый невниманием, разминает пальцы, придвигается ближе, понижает голос, и вторит ему мелодия семиструнки.

— Ну, то приписка была, а сказка впереди... Вот, послушай, этого тебе никто не расскажет, особенно здесь, в столице, у лорги под боком. В славном городе Свенне, что в Западном Лорги-нариуме, есть ночная ярмарка. Она для простого люда, который

не в ладах с законом, и страже обычно туда ходу нет. И вот представь, в разгар торгов к прилавку обычного торговца пирожками подлетела дружина из самого Ульменгарма, всадники, что подчиняются самому лорге! Подскочили — и схватили одну девчонку-замарашку, а женщину, что с ней была, едва на месте не зарубили. Люди зароптали, но что против всадников с морт-мечами сделаешь? То-то же. И тут откуда ни возьмись явился эстра-бродяга — не то из-под земли вырос, не то с неба свалился. «Где это видано, — молвил он, — чтоб малое дитя при всём честном народе похитили и никто за девчонку не вступился? Стыд вам!» Женщину он исцелил — почитай, из мёртвых вернул, а потом вдогонку за всадниками кинулся. И знаешь, что, друг Сэрим? Его-то с девчонкой-ученицей позже на дороге увидели, а вот дружину — нет. И морт-мечи их не спасли. А прозвали его за то...

— Освободителем? — выгибаю я брови, вспоминая о Фогарте и её подвигах. Становится веселей. — Спасителем?

— Если бы, — вздыхает Дёран, и взгляд у него задумчивым становится, темнеет, как вешнее небо перед грозой. — Прозвали его Погибелью Лорги, а ещё Несущим Возмездие. И, сам понимаешь, приятель, знак это недобрый. Значит, пришёл срок — слишком долго лорга престол занимал, а добра народу не сделал, и чаша терпения переполнилась. Не сегодня — так завтра север запольхает... И вот ещё что. Слухи ходят, что не просто так дружинники ту девчонку похитили. Говорят, что они по всему Лоргинариуму забирают кимортов-детей, но не приводят их в цех, учиться у старших, а продают на юг, в рабство.

И всё веселье разом пропадает.

Пригубляю вино, а оно горчит; у Дёрана тоже — вон, как он морщится.

— Похоже, что всё ещё хуже, чем мне на юге виделось, — говорю в сердцах.

Дёран кивает:

— А то. Ещё, рассказывают, недавно появился мирцит необыкновенной чистоты — лучше, чем из южных рудников. А с юга везут морт-мечи, да больше, чем из Ишмира — знай плати только! А откуда морт-мечам на юге взяться, если кимортов там нет,

клинки заклинать некому? То-то же. И горы ещё потряхивает, чем дальше — тем чаще. Не к добру, — тихо-тихо заключает он, и я откликаюсь эхом:

— Не к добру.

А что тут ещё скажешь?

Вино мы допиваем в молчании. Закат успевает разгореться и угаснуть; один край небосвода ещё алый, словно густая кровь, а другой уже иссиня-чёрный, и наползает туман из долины, укутывая город, словно одеялом. И чудится, что прошлое и будущее перемешиваются, размываются, исчезают... Вот-вот пройдёт рядом великая Брайна, бряцающая колдовским мечом — и развеется, словно тень; исполинские горы, которые всегда казались нерушимыми, выглядят хрупкими, будто ишмиратские поделки из цветного стекла.

— Эй, приятель, — зову я негромко. Дёран оборачивается — глаза у него чуть вытянуты к вискам, как у пустынного зверька эль-шариха, да и светятся так же, красноватым. — Доведётся ли нам ещё так вместе посидеть, вспомнить былое?

Он замирает сперва, а потом улыбается озорно:

— А зачем его вспоминать-то? Зачем назад оглядываться, не лучше ли вперёд посмотреть? Вдруг там не так страшно, как мнилось? — Дёран поднимается, закидывает за спину семиструнку, треплет меня по плечу. — Да и не так одиноко... Что ни говори, друг, а я устал просто так ходить и смотреть. Может, я и странник без дома и без рода, а всё же дружба у меня есть — и я за них, пожалуй, поборюсь. Даже если б мне для этого пришлось вернуться на проклятый юг! А ты что решишь?

Я не успеваю ответить — он перешагивает через порог и выскакивает на улицу, оставляет меня в тумане, в густом чаду, где бродят призраки. Вот только надолго меня в покое не оставляют — дверь распахивается, и в зал шагает дева-киморт в ярких ишмиратских одеждах. Хиста у неё бирюзовая, нижнее платье — бледно-лиловое, как закатная дымка, а из-под него блестит натальная рубаха, точно сотканная из серебра. Волосы у девы подкрашены рыжеватым и завиваются в локоны от влаги, а взгляд прямой, дерзкий.

Вот она, Фогарта.

И впрямь, Рождающая Бурю, лучше и не скажешь.

— А! — видит она меня и улыбается. — Вот куда ты запропастился! Что с ночлегом-то решим? И есть у меня мысль, как пробиться к лорге, но сперва я бы обсудила всё... ты слушаешь?

Она говорит — и тени прошлого отступают.

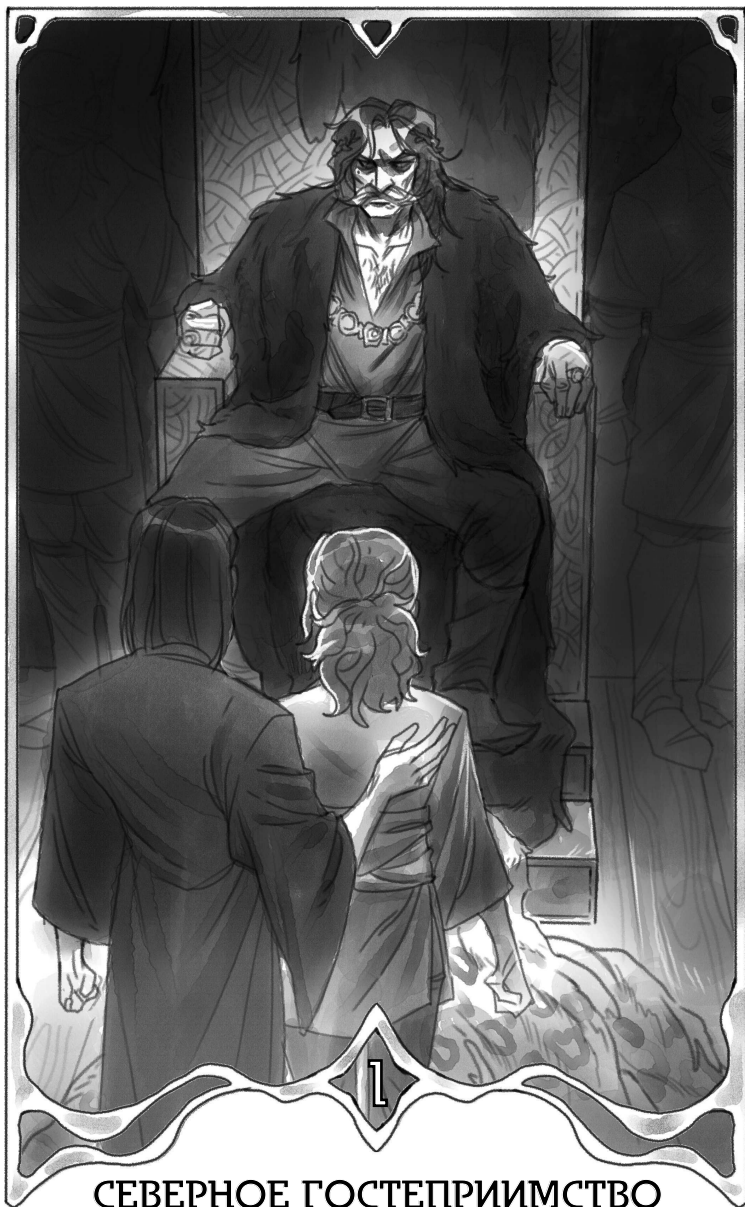
А я понимаю, кажется, отчего у Дёрана глаза заблестели, а семиструнка запела на боевой манер.

— Слушаю, — говорю. — Продолжай, конечно.

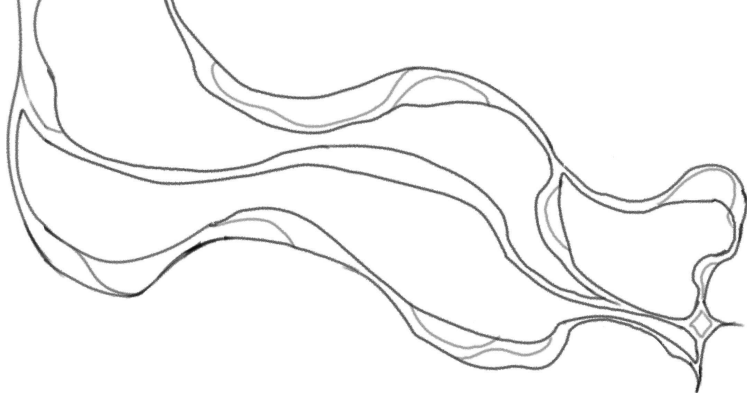
И если быть беде, то мы её, пожалуй, встретим — вместе.

Может, и победим.

СЕВЕРНОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Фогарта Сой-рон, Ульменгарм, столица Лоргинариума

Про северян говорили, что они радушные и гостеприимные, но беглецов с юга Ульменгарм встретил неласково — словно чувствовал, что впредь будет от них одно беспокойство.

Начать хоть с того, что пришвартовать дирижабль у городской мачты Сидше не позволили, хоть она и пустовала. Дружинник, потрясая богато украшенным морт-мечом — скверно сработанным, впрочем, такую игрушку и киморт-ученик мог бы походя сломать — велел убираться подобру-поздорову. Фогарта попыталась было его уговорить, потянулась даже за шкатулкой с самоцветами, но он и слушать не стал, напротив, озлился ещё больше.

Сидше, впрочем, отказ не смутил.

— Что же, на нет и суда нет, — мурлыкнул он, сузив глаза, и направил дирижабль обратно к крепостным стенам.

Там, примерно в пятнадцати минутах лёта от города, в низине обнаружилось высокое сухое дерево, оголённое до самой вершины. Судя по многочисленным отметинам, дирижабли частенько здесь останавливались, а окрестные холмы укрывали стоянку от любопытных чужаков.

К примеру, от столичной дружины.

— Тебе приходилось уже здесь бывать раньше? — спросила Фог, с интересом наблюдая за тем, как легко Сидше отыскивает сперва землянку, затем тайник с запасом дров и затейливо спрятанный ключ с питьевой водой. — Или у вас, у контрабандистов, есть свои секретные знаки?

Но он лишь улыбнулся лукаво:

— Как знать. Быть может, мне просто повезло?

Прежде Фогарта, наверное, обманулась бы таким ответом, отвлеклась на интригующе распахнутый ворот хисты, смутилась бы от прикосновения вскользь — кончиками пальцев по напряжённому плечу. Но теперь она научилась видеть, что стоит за манерами Сидше, замечать и дрогнувшие уголки губ, и потухший на мгновение взгляд... А потому поняла: да, ему случалось здесь бывать, вот только вспоминать об этом он бы не хотел.

«Снова Дуэса и её дела?»

— Я бы больше волновался о другом, — вмешался неожиданно Сэрим, спрыгивая с верёвочной лестницы на землю. — Вон там, смотрите, кострище, а вот свежие отпечатки подков, а тут, у корней, вырезан хадарский знак. Не боишься, капитан, что они твою ненаглядную «Штерру» уведут?

— Северяне — люди чести, — невозмутимо откликнулся тот. — И честь их велит не обижать простых контрабандистов. Кто иначе продаст им оружие из Ишмирага и драгоценные пряности? Откуда они станут брать яркие шелка на подарки своим жёнам и дочерям? Кому, наконец, продадут свою добычу, стоившую им и пота, и крови, а порою и жизни товарища? На городские ярмарки хадарам путь заказан... — с притворным сожалением покачал он головой.

— Да уж, тут хочешь не хочешь, а будешь честь блюсти, — хмыкнул Сэрим. — Думаю, что на случай, если уж совсем какой подлец попадётся, у тебя на борту что-то припасено?

— Припасено, — не стал спорить тот.

— Оружие? Гремучая смесь? Ловушки? — не унимался Сэрим.

— Март, мой телохранитель, — ровно ответил Сидше, присаживаясь на корточки, и обмахнул от сора знак, вырезанный у корней швартовочного дерева. — Прежде чем я его нанял, уважаемый, он три года ходил главарём у хадаров, так что обычаи их знает как никто иной... Март, ну-ка, спустись. Здесь написано «третьего дня» или «седьмого»?

Оказалось, что рядом с опознавательным знаком хадаров были нацарапаны ещё тайные письмена — тоненько, словно бы швейной иглой. Они предупреждали о грядущей облаве дружин-

ников — уже минувшей, судя по датам — и сообщали о новой встрече «под молодой луной».

— Значит, несколько дней у нас есть, стоянка будет пустовать. Удачно, — подытожил Сидше, задумчиво скрестив руки на груди. — Как поступим? До Ульменгарма отсюда идти несколько часов. Случись что, быстро вернуться мы не сможем, даже если получим знак. Все вместе пойдём в город или разделимся?

Фогарта ожидала почему-то, что ответит Сэрим, но он промолчал, искоса поглядывая на неё круглыми птичьими глазами.

«Выходит, что решать надо мне?»

Там, на юге, это выходило как-то естественно. Она, как гончая, шла по следу похищенных кимортов, хваталась за любую подсказку, за всякий намёк; со стороны могло показаться, что дорог много, выбирай — не хочу, но на самом деле путь оставался один, узкий и извилистый, однако же и свернуть с него бы не получилось.

А потом, во время спешного отступления из Ашраба, задумываться было попросту некогда.

Лиура, старший из близнецов-кимортов, мысленно так и остался в плену. По ночам он видел кошмары и часто просыпался в поту — и, что совсем скверно, иногда спросонья бил наотмашь волной чистой морт. Фог укрепила стены его каюты, но надолго это не помогло, так что к исходу первого десятидневья, когда пустыня осталась позади, пришлось посадить дирижабль на берегу Рукава Мира, чтоб залатать пробоину. После починки Сидше попросил пожалеть «Штерру» — и путешествовать только днём, а на ночь останавливаться.

Желающих возразить не нашлось, и только ящерка-садхам заметалась как-то беспокойно... Впрочем, возможно, она просто тосковала по бескрайним дюнам, оставшимся позади.

Онор же, в отличие от брата, наоборот, спала целыми днями, точно впервые за долгих два года почувствовав себя в безопасности. Днём она просыпалась на несколько часов, ела, брала дочь ненадолго, понячнить, или вспоминала, как управляться с морт... А затем снова ложилась спать, теперь уже до самого вечера. Ярость, питавшая её в первые дни, угасла, и на смену при-

шла меланхолия. Лишь когда на горизонте показались горные хребты, окружавшие Лоргинариум с юга, Онор немного оживилась и спросила, можно ли будет заночевать у Поющего озера и развести там костёр на обрыве.

— Как раньше. До... до всего, — добавила она, опустив глаза, и морт вокруг неё взвилась языками злого бездымного пламени.

Озеро они и впрямь отыскиали — на карте крохотную точку, а наяву дивной красоты место в окружении водопадов — пусть и пришлось заложить изрядный крюк, чтобы туда добраться.

Онор проплясала у костра до полуночи.

Иаллам терпеливо исполнял обязанности няньки, иногда разделяя их с Сэримом. И только в Бере его охватило такое волнение, что он жарко, едва слезу не пустив от избытка чувств, попросился отпустить его на ярмарку.

— Я на родине пять лет не был, — сказал он, не в силах оторвать жадного взгляда от черепитчатых крыш и булыжных мостовых. — А когда и был, то проездом... Дайте хоть до источника Брайны добежать, что ли!

Фогарта, разумеется, его отпустила — да и как могла бы задержать? Силой разве что, но это надо было совсем совести лишиться... А следом за Иалламом отправился «кой-чего разведать» и Сэрим — и пропал почти на сутки.

Поволноваться тогда пришлось изрядно.

Пожалуй, что единственной, кто не доставлял никаких проблем, была Садхам — девочка-кроха, которой едва исполнилось полгода. Она с одинаковой охотой ела и спала, иногда принималась хныкать, но дело обычно было или в сырых пелёнках, или в коликах; за несколько дней Фогарта научилась справляться и с тем и с другим даже во сне, не покидая собственной каюты.

В остальном же всё шло гладко. И, несмотря на капризы и просьбы пассажиров, маршрут выбирал всё-таки капитан — а Фог большую часть времени коротала в каюте, то за чтением дневников Миштар, то за игрой в на-джи с Сэримом, то за уроками для Лиуры. А в ночь, когда дирижабль подлетал к Ульменгарму, она увидела в небе над городом дивной красоты фейерверк — золотые и лиловые сполохи, зелёные искры, синие и серебряные

спирали, быстро гаснущие во тьме... Почти как в тот раз, когда Алаойш вместе с приятелем, Дёраном, задержался в пьяном доме на целых три дня — на радость ласковым его хозяйкам с медовыми очами. Небосвод над Шимрой тогда стал что шкатулка с самоцветами. Фогарта затворилась в комнате и рыдала от ревности в расшитые подушки, а когда учитель вернулся наконец, то крикнула ему, что лучше б он не приходил вовсе. Сейчас-то и вспоминать было смешно, а в ту пору казалось, что всё всерьёз.

— Вот бы увидеть его снова, — пробормотала она еле слышно, глядяываясь в разноцветные вспышки во тьме за стеклом. — Хоть краешком глаза. Я б его больше ни в чём не попрекнула. Я бы...

Сидше тогда находился совсем рядом и, без сомнений, всё слышал, но сделал вид, что оглох, только хватка на штурвале стала такой крепкой, что костяшки побелели.

Впрочем, то было вчера, а сегодня он стоял и ждал решения, безмятежно скрестив на груди руки и спрятав ладони в широких рукавах хисты.

— Вместе пойдём, — наконец ответила Фог, крепко всё обдумав. — Если ты говоришь, что для защиты «Штерры» достаточно одного Марта, то пусть он остаётся. Вместе с Чирре, наверное, — добавила она уже менее уверенно. — Что же до способа связи... Могу, к примеру, наполнить два прутика своей морт. Тогда, если их переломить, я пойму, что здесь беда.

— Разумно, — согласился Сэрим, прищурившись. — Значит, близнецов ты с собой берёшь. А младенца?

— Садхам тоже, — кивнула Фогарта. И добавила спешно: — Обоих то есть, и девочку, и ящерку. И в город можно войти по отдельности. Иаллам у нас нянь... то есть за ребёнка отвечает, Оноп и Лиура пойдут вместе с ним. На севере ведь не редкость, когда родич-мужчина сопровождает в путешествии молодую семью?

— Чем больше людей, тем легче отбиться от хадаров, — подтвердил Сэрим. — Ну а мне-то можно никем не притворяться. Любому достаточно взглянуть на мою рожу бродяжью и вот на эту малютку, — погладил он флейту, заткнутую за пояс. — Сразу и станет ясно, что я странствующий сказитель, а нашего брата на севере, пожалуй, уважают побольше, чем на юге... Что же, вот

и решили. А вы с этим хитрованом, стало быть, вместе в город войдёте? Тоже супругами назовётесь?

Фог бросило в жар, а Сидше отвернулся, пряча лукавую улыбку.

«И когда эти двое успели спеться? Ведь недавно же были что вода и масло, только и делали, что спорили!»

— Обойдёмся без обмана, — ответила Фогарта, опалив Сэри-ма яростным взглядом — безуспешно, впрочем, нахал и бровью не повёл. — Но пойдём мы, конечно, вместе, Сидше ведь единственный из нас, кто не очень хорошо изъясняется на лорги. Вдвоём сподручнее! И вообще, нам надо будет купить еду, местную одежду... И что-то для младенца тоже. Ведь здесь есть нечто вроде молочных орехов, наподобие тех, что в оазисах растут?

После этих слов воцарилась странная тишина. Март замер у верёвочной лестницы, точно изображая дорожный столб; Сидше продолжал улыбаться, чуть склонив голову набок. И только Сэрим, кашлянув, пробормотал себе под нос:

— Вот потому-то я и предложил сразу назваться мужем и женой... Кто после таких покупок поверит, что вы не супруги?

Ответом его Фог не удостоила: если чему пустыня её и научила, так это тому, что любую неловкость и глупость можно замаять, а то и превратить в триумф, если держаться поуверенней и делать такое лицо, как будто в нос пушинка попала, а чихнуть нельзя.

Выступать условились тут же, не мешкая. Лиура сам, пусть и не с первой попытки, переделал одежды для себя и сестры на северный манер, и теперь они щеголяли в одинаковых штанах, рубахах с высоким воротом и дорожных плащах, которые только цветом и отличались. Иаллам остался в шароварах и в просторной накидке, с шарфом, обмотанным вокруг головы, поскольку собирался представиться страже у ворот сыном небогатого купца из Ашраба: смешанных браков хватало, так что это никого бы не удивило. Первым в город должен был проникнуть Сэрим и, если опасности нет, подать сигнал; Фогарта с Сидше решили идти последними.

«Штерру» спрятали за клубами облаков, сквозь которые живописно просвечивали острые верхушки деревьев, чтоб её случайно

не протаранил другой дирижабль. Затем попрощались с Мартом и Чирре — и отправились в дорогу.

Пахло сыростью, молодой листвой, лесом и слабо-слабо — цветами; издали, с востока, тянуло дымком.

Одуряюще пели птицы.

Ульменгарм располагался в самом центре Туманной долины, словно яблоко на серебряном блюде у великана. От края до края — почти дюжина дней пути; впрочем, всадник на резвом гурне мог бы справиться и быстрее. Здесь было ощутимо теплее, чем даже в Бере, у южных границ, а солнце даже в полдень светило точно бы через дымку: земля изобиловала не только реками, но и горячими источниками, и пар, который вечерами окутывал долину плотным одеялом, утром поднимался вверх. Здешние почвы славились плодородием и давали несколько урожаев в год, а скот, который бродил в тумане по зелёным пастбищам, давал обильный приплод и, как уверяли северяне, никогда не болел... Кое-кто утверждал, что необычайными свойствами эту землю наделили духи предков, и в какой-то степени с этим можно было согласиться.

Когда-то в незапамятные времена — тысячу лет назад, если не больше — Туманную долину создали киморты.

Ступая по желтоватым, словно старые кости, камням тракта, Фог знай себе крутила головой по сторонам, не зная, куда смотреть в первую очередь. Её восхищало всё, но больше прочего — потоки морт, которые текли вокруг подобно полноводной реке. Их направляли древние мирцитовые монолиты, спрятанные под плодородным слоем почвы, в глинисто-песчаных слоях, на глубине в три-четыре человеческих роста. Благодаря этим потокам не пересыхали многочисленные оросительные каналы, а разводящие трубы под землёй оставались целыми. Морт доставляла из недр на поверхность воду горячих источников и позволяла не истощать поля частыми урожаями, а ещё не допускала в долину опасные болезни и прожорливых жуков; говорят, что двести лет тому назад появилась какая-то новая напасть, с которой древняя защита не справилась, и пришлось обращаться за помощью к кимортам.

Одним из тех кимортов — Фогарта знала это наверняка — был Алаойш Та-ци. Другим — его наставница.

С тех пор, по счастью, хвори продолжали обходить окрестности Ульменгарма стороной. Но сама Туманная долина с каждым десятилетием всё больше приходила в упадок — меньше засеивали земель, да и стада были не такими тучными, как в стародавние времена. Говорят, что теперь попросту не требовалось кормить столько народа: жизнь сосредоточилась в нескольких крупных городах, а прочие оказались позаброшенными. Что же до деревень, то там обитатели сами себя обеспечивали, возделывая окрестные поля — не такие богатые, конечно, но всё же их было достаточно.

Разглядывая вдаль, за пеленой, белёсые остовы старых каменных домов и башен, Фогарта как никогда жалела о том, что прежде мало интересовалась историей и стеснялась расспрашивать учителя о прошлом, больше налегая на учёбу... В итоге искусством управлять с морт она всё же овладела сама, а вот рассказывать ей старые сказки было уже некому.

Сердце точно осколок кольнул.

— Да-а, — раздался вздох совсем рядом. — Вот делали же раньше — на века.

Говорил Сэрим; проследив за его взглядом, Фог увидела впереди мост, перекинутый через канал — ажурную арку из серого ноздреватого камня, одновременно и воздушную, и основательную. Красиво — но обычно, в общем-то, не сравнить с Шимрой, где встречались мосты из хрусталя, из живой лозы и даже из чистого света.

— Да, — растерянно согласилась она, думая совсем о другом — о том, что прежде киморты не боялись менять сам мир вокруг, делая его более удобным и безопасным, а теперь в основном занимались починкой вещей для богатых вельмож и всякими безделушками. — Раньше делали... Ой, посмотри-ка! Это не городские ворота впереди?

Вообще ей уже довелось сегодня их увидеть, пока Сэрим и Сидше объяснялись со стражей на городской стене. Но мельком и слишком издали: две сторожевые башни, между которыми полагалось пролетать дирижаблям, прибывающим в город, рас-

полагались значительно правее основного входа. Тогда, с высоты, подъездная дорога и подъёмный мост через канал показались не шире портняжной ленты.

Теперь же они поражали воображение.

На главной дороге могли разъехаться без труда четыре телеги, да ещё пешим странникам бы место осталось; мост оказался сделан из необыкновенного камня, точно бы пузырчатого, хорошо укрепленного морт и изрядно облегченного. Сами же ворота — вчетверо шире и вдесятеро выше обычных — почти сливались по цвету с чёрными стенами, если б не узоры из серебра. Точнее даже, не узоры, а целые картины: гербы и вензеля, сцены охоты, ратные подвиги...

— Здесь вся история Лоргинариума, — негромко произнёс Сэрим, и лицо у него сделалось странное, печальное и светлое одновременно. — С давних-давних пор, когда жива была ещё память о напасти из западных пустошей, а сам Лоргинариум ещё на четыре части не разделился... Вон, там, видишь, вверху женщина с мечом? Над ней ещё две луны? Это Брайна. Такие, как она, раз в тысячу лет рождаются, и их не забывают, сколько бы лет ни минуло... Ну, вы полюбуитесь на неё издали, а я, пожалуй, пойду, разведу, что к чему.

Фог думала, что Сэрим с его изворотливостью проскочит в одно мгновение, но стражи допрашивали его долго, с четверть часа почти. Пока он выворачивал дорожную суму, показывал содержимое кошель и оправдывался, мимо, под шумок, успел даже проехать табор кьярчи на нескольких телегах, расписанных синей и золотой краской. Стража допытывалась, нет ли у Сэрима какого-то меча и «девки на воспитании», а не обнаружив ни того ни другого, стала обыскивать его по второму разу, не поверив, что он просто странствующий музыкант. Наконец, видимо, для убедительности, Сэрим наиграл на флейте простенькую мелодию — и прошёл в город; Фог, правда, этот момент пропустила — отвлеклась на странное возмущение морт у ворот, исчезнувшее так же неожиданно, как оно появилось.

Вскоре с той стороны стены послышался сигнал — резкая, громкая трель — и следующая часть отряда направилась к воротам.

Поддельной семьёй с крикливым младенцем — Садхам как раз проснулась и недвусмысленно выразила желание перекусить — стражи, впрочем, не заинтересовались. Фогарту тоже никто не обыскивал, только сундук попросили открыть, на что она плечами пожала:

— А толку вам туда смотреть, если я могу содержимое хоть спрятать, хоть изменить?

Один из стражников положил было руку на рукоять мортмеча, но старший в отряде быстро оттеснил его, качнув головой, и обернулся к Фогарту:

— Вы уж простите его за рвение. Мы, скажу по секрету, одного опасного преступника ищем, который эстрой притворяется да по городам беззаконие чинит... — добавил он, чересчур близко наклонившись к Фог, так, что можно было почуять запах рыбного супа от его бороды. — Вы такого не встречали?

— Нет, — честно ответила она. Хотела добавить, что лишь сегодня прибыла в город далеко с юга, но затем передумала: к чему это рассказывать каждому встречному? — Но благодарю за предупреждение, добрый человек... И скажи, чтоб друг твой показал свой морт-меч хорошему мастеру или киморту: с балансом у него что-то не то.

И, сказав это, шагнула под арку ворот, больше не оборачиваясь на стражу — словно так и надо.

— Приятно видеть, как робкая дева превращается в женщину, которая точно знает, чего она хочет и чего стоит, — усмехнулся Сидше и, взяв её под локоть, аккуратно потянул в сторону. — Пойдём-ка к торговым рядам. Сэрим и прочие наверняка уже там; да и соглядатая, которого приставила к тебе стража, сбросить со следа там будет проще.

— Соглядатая? — растерялась Фогарта, с трудом подавив желание оглянуться. — Укажи на него, и я его хоть сейчас отважу... Где он?

Самоуверенности у неё немного поубавилось.

— Видишь ту нищенку в коричневом покрывале? Я заметил, что начальник стражи дал ей монетку, а затем указал на нас, прежде чем вмешаться в твой спор с тем остолопом, который хотел заглянуть в сундук...

От слезки они избавились в ближайшем переулке, заставив женщину свернуть в неправильную сторону, а затем двинулись к городскому рынку.

А сам Ульменгарм оказался под стать стенам, окружавшим его, и потрясающим воображение воротам — сумрачный и торжественный, прекрасный и неуютный, древний и суетливый.

Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять: столица процветает. Каждую площадь украшал фонтан — непременно с фигурой прекрасной девы либо ужасного чудовища, а если не фонтан — так монумент в честь какой-нибудь древней битвы или поединка чести. Новые скульптуры, видимо, установленные при нынешнем лорге, выглядели зачастую нелепо, словно большие куклы — с чересчур широкими плечами у мужчин и тоненькими, точно соломенные жгутики, руками у женщин. И два сюжета неизменно повторялись от раза к разу: воин грозно глядит вдаль, опершись на меч, а дева скорбит, прижав кулачки к груди. Более старые же изваяния были совсем иными — стремительными, точно пойманными в движении, и словно бы невесомыми. У одной из таких статуй, изображающей лукавого купца за подсчётом монет, Фогарта даже остановилась.

— Что-то особенное? — заинтересовался Сидше, проследив за её взглядом. Обошёл каменного купца по кругу; подобрав полы хисты, присел на корточки у памятной таблички, вглядываясь в символы; цокнул языком. — Здесь написано: «Сей скупец в голодный год отворил амбары и спас людей; обратись к его духу, и он одарит тебя золотом». Что думаешь? Он и вправду помогает людям разбогатеть?

«Думаю, что ты гораздо лучше знаешь наречие лорги, чем делаешь вид».

— Почему бы и нет? Золото в сундуке у него настоящее, а на дне ещё и самоцветов целая куча... Так что настойчивому просителю, который догадается разбить каменную крышку сундука, можно будет не страшиться бедности, — улыбнулась Фог. И снова повернулась к статуе, надвинув окулюс со лба на глаза. — О, так и знала, не показалось! Я не первый киморт, который за-

метил клад. Тут с полсотни записей на боку, сделанных морт... Только вот самой свежей лет пятьдесят, не меньше, — добавила она, посерьёзнев. — Получается, что с тех пор ни один киморт сюда не заходил?

— Или не заходил ни один киморт, любящий хорошую шутку, — задумчиво добавил Сидше и качнул головой. — Даже и не знаю, что хуже.

Фогарта улыбнулась в ответ, но в груди всё тревожно сжалось.

Спасённые из рабства близнецы мало что могли рассказать о делах кимортов на севере — после обучения они почти сразу отправились в путешествие. Онор припомнила, что друзей-погодок у них с братом не водилось. Сперва, когда их только привели в Хродду, в школе вообще было, кроме них, только два ученика, точнее, ученицы: одна девочка почти уже взрослая, а вторая помладше, лет двенадцати-тринадцати. К концу обучения детей стало больше — почти полтора десятка, и двадцать взрослых кимортов едва с ними справлялись.

«Если б не терпение наставника Телора, который почти все уроки брал на себя, то прочие учителя, пожалуй, сбежали бы в леса и подались бы в отшельники», — добавил тогда Лиура.

Собственно, школу в Хродде и открыл Телор — не самый могущественный киморт севера, но точно самый влиятельный. Фог сперва решила, что остальные обучают по старинке: берут ученика к себе в дом и заботятся о нём, как о собственном ребёнке, пока тот не повзрослеет и не получит от цеха собственный отличительный знак. Но сейчас задумалась: а были ли они, другие ученики?

До сих пор, от самых южных границ, им не встретилось ни одного.

А ведь морт-оружия вокруг хватало. У стражи, у дружинников, даже в охране у обычных купцов, ожидающих в очереди у ворот... Столько колдовских клинков не производил даже цех в Шимре; низкое качество самоцветов и мирцитовых вставок в рукояти в сочетании с грубой работой вообще наводило на недобрые мысли.

«Лиуру заставляли делать камни-заготовки, — размышляла Фогарта на ходу, вспоминая горы мутноватых аметистов, топазов и разноцветного кварца на низком столе в подземелье у Радхаба. — И среди гостей работорговца был один купец с севера... Зря я его не расспросила тогда».

Но сокрушаться об этом было уже поздно.

Торговые ряды появились внезапно, словно из засады выпрыгнули. Фог в переулке наступила на подгнившую шкурку от ригмы, поскользнулась — и, неловко взмахнув руками, выскочила на открытое пространство.

Сундук выплыл следом, плавно и степенно.

«Ну вот, — огорчилась она, когда взгляды зевак сосредоточились на ней. — Даже короб из дерева, обитый железом, грациозней меня».

Но тут Сидше бережно взял её под локоть и шепнул, склонившись к уху:

— Идём-ка левее, я слышу флейту Сэрима. Хочешь пирожок в виде рыбки на палочке? Говорят, там внутри сладкая начинка из лесных кореньев, орехов и дикого мёда.

— Хочу, — откликнулась Фог, не рассуждая, и какие-то там осуждающие и любопытные взгляды тут же стали совершенно неважны. — А он вкусный? А ты пробовал? Откуда знаешь?

— Тебе понравится, — пообещал Сидше с улыбкой, остальные вопросы оставив без ответа. — И посмотри ещё вот на эти коржики, которые пекут на цветочной воде...

Среди торговых рядов он маневрировал с изяществом и непринуждённостью, выдающими давнюю привычку. Впрочем, рынки везде были одинаковыми. Те же прилавки; товары, разложенные так, чтоб выставить напоказ достоинства и скрыть недостатки; те же монеты, переходящие из рук в руки, сделки удачные и не очень, обман, лесть, деловитые покупатели и досужие зеваки... Разве что на юге одевались иначе и торговались охотнее, да и купцы были куда любезнее, зазывая прохожих к себе.

А ещё на севере не было рабов.

Проходя мимо угла, где торговали мелкой скотиной, домашней птицей и гурнами, Фог не могла не отметить, что эти клетки

чище, просторней и светлей чем те, что в пустыне предназначались для людей.

— Найди остальных, — вздохнула она, резко отворачиваясь от закутка, где маленький, трогательный детёныш гурна на ломких длинных ногах с опаской отщипывал понемногу от вязанки свежей травы. Рядом с ним стояло ведро, полное чистой воды, а пол был тщательно выметен. — Я... я пока загляну кое-куда, спрошу у мастеров, откуда им доставляют камни-заготовки для морт-мечей.

Недоеденный пирожок-рыбку она убрала в мешочек на поясе — аппетит резко пропал.

Чтобы попасть в соседний ряд, пришлось обойти почти половину площади. Устав продираться через толпу, Фогарта взобралась на сундук и дальше полетела так. По пути остановилась сперва у одного прилавка — прикупить мешочек пряностей из Ишмирата, затем задержалась у торговки-разносчицы ради гребня из ароматного тёмного дерева. Торговка — кьярчи, судя по чёрным волосам, сильно подведённым глазам и ярким одеждам с обильной вышивкой — так нахваливала свой товар, что Фог схватила ещё один гребень, для Онор, и лишь потом сообразила, что волосы у той слишком коротки.

«Отдам Сидше, — решила она, сосредоточенно разглядывая покупку. По краю гребня висала искусная резьба, залитая красным лаком. — Интересно, понравится ему? Цвет подходящий... А что, если ему алую хисту подарить? Возьмёт или нет?»

Мысль отчего-то будоражила.

Уже сворачивая с площади, краем глаза Фог заметила в толпе лицо — будто бы знакомое и чужое одновременно. Белая рубашка с синим узором, длинные светлые волосы... Сердце ёкнуло. Но в тот же миг зарыдала флейта где-то далеко, и откликнулась тревожным звоном семиструнка, и всё замельтешило, задвигалось, беспрестанно меняясь, а потом наваждение исчезло так же резко, как появилось.

Рыночная площадь снова стала такой, как прежде; таинственный незнакомец исчез.

Торговые ряды, где находились прилавки мастеров, располагались чуть наособицу. На входе там стояла настоящая стража — такие же хорошо вооружённые воины, как у городских ворот. Здесь никто не торговался, не сбивал цену; сюда приходили люди, которые точно знали, чего хотели.

— Оorra, почтенный, — произнесла Фог, припомнив на ходу, как полагалось обращаться к незнакомцам на севере. Торговец, худощавый усатый мужчина лет сорока пяти, неторопливо сдвинул окулюс на лоб и любезно обернулся к ней. — Не подскажите, откуда у вас эти камни?

В полумраке под навесом его живые голубые глаза казались тёмными, словно зимняя река; интерес в них, возникший было при виде киморта из Ишмирата, быстро угас.

— Не могу знать, госпожа, — скучным голосом ответил торговец и принялся аккуратно сортировать товар у себя на прилавке: заготовки под мирцитовые капсулы, грубовато пошитые окулюсы с отделкой из красно-коричневой кожи и чёрной кости, простой инструмент... Недорогие вещи, словом; шкатулка на двенадцать отделений, заполненная крупными жёлтыми цитринами, нежно-лиловыми аметистами, чёрными морионами, выделялась на их фоне, как сугроб снега посреди летнего луга. — У нашей семьи скромная мастерская. Эти камни отец приобрёл по случаю, но использовать их нам не под силу, так что остаётся только перепродать.

Взгляд у Фог растерянно скользнул по прилавку.

— Понимаю, — откликнулась она негромко и бережно взяла одну из заготовок. — Зато капсулы — ваш конёк, да? Хорошая работа, видно твёрдую руку. А вот эти, — и она выбрала из кучи ещё несколько капсул, — сделаны лучше прочих. Здесь видны не только усидчивость и старание, но и тонкое понимание материала. Такие заготовки прослужат дольше.

Мастер хоть и старался не подать виду, а всё же был польщён. И ясно почему — из всех капсул могущественная чужеземка выбрала его работу, отодвинув в сторону капсулы, сделанные отцом и братьями. Похвалила его, младшего среди всех; единственного, не сумевшего в столь почтенном возрасте найти жену,

а потому вынужденного делить обязанности продавца с племянниками и племянницами...

...он не знал, конечно, что Фог схитрила и из кучи совершенно одинаковых изделий просто отобрала те, которые несли на себе отпечаток человека, стоявшего перед ней.

— Купите? — спросил он с надеждой.

— Куплю, — кивнула она уверенно, благо стоили заготовки совсем немного. — Давайте все четыре штуки... И две колбы мирцита, — добавила она, присмотревшись к товару повнимательнее. — Какой чистый! Почём будет?

Торговец назвал цену; увидев, что чужестранка нахмурилась, он поспешил добавить:

— Но если две колбы берёте сразу, то могу скинуть!

«Не в том проблема, — подумала Фогарта, прикусив губу. — У нас в Шимре за мирцит такой чистоты дерут вдесятеро больше... Только вот откуда он здесь?»

— Со скидкой возьму, пожалуй, и три... нет, пять, — вслух ответила она, рассудив, что хороший материал лишним не будет, рано или поздно в дело пойдёт. — Заплачу золотом. У меня южные монеты, годятся?

Торговец оживлённо закивал и принялся напоказ высчитывать сдачу, приговаривая, что цена хороша, и товар хорош, и госпожа, видно по всему, хороший человек.

И в это мгновение было не отличить его от сладкоречивого купца-южанина.

Уже собираясь уходить, Фог снова повернулась к камням, наполненным морт, словно бы в сомнениях. Затем оглянулась, поманила к себе торговца и, понизив голос, сказала:

— Не моё это дело, но уйти, промолчав, не могу... Видите этот морион, уважаемый? У которого словно бы снежинка изнутри проступает? Уж не знаю, какой киморт его обрабатывал, но больше у него товар не берите. Дефект в нём, стремление было неясным и морт вложено мало. Для длинного клинка его использовать нельзя, самое большое — для кинжала размером с ладонь, иначе может случиться беда. А вот эти два цитрина — хорошие камни, они сослужат добрую службу.

У торговца округлились глаза; быть может, в самом начале разговора он бы предупреждению не внял, но теперь проникся к щедрой чужеземке доверием.

— Благодарю за совет, уважаемая, — зашептал он в ответ, прикрывая лицо ладонью сбоку, словно боялся, что издали кто-то по губам слова прочтает. — Но вы поостерегитесь впредь говорить дурное про такие камни. Мы их не по своему почину продаём, их моему отцу принёс посланник из дворца с наказом сбыть другим мастерам; всю выручку за них мы посланнику потом и возвратим. А что из дворца пришло, то с изъязном быть не может, вы уж поймите. Уж сам-то, уж верховный-то не ошибается!

— Ясное дело, — тихо ответила Фогарта. — Что ж, и я за совет благодарю.

Когда она отходила от прилавка, то сердце колотилось где-то в горле: в одном из камней, на круглом цитрине с ноготь величиной, ощущался до сих пор знакомый след. Над этим самоцветом определённо потрудился Лиура, уж его-то манеру она успела изучить... И если камень из сокровищницы рабовладельца на юге неким тайным образом попал к лорге во дворец, и не для использования, а для перепродажи, то ничего хорошего это не сулило.

Задумавшись так, Фог почти не смотрела по сторонам, когда шла, а потому опасность заметила не сразу.

Аккурат посередине торговых рядов, между скромными прилавками, торчал, как пень посреди поля, магазин. Стены — из целых брёвен, обтёсанных до стеклянной гладкости; ставни — резные и изукрашенные, сплошь в алых узорах, места свободного — ни на ладонь; крыша горбатая, на четыре ската, с деревянными головами гурнов по углам, с красной и чёрной черепицей. На порожке, на стуле, больше похожем на трон, грелся на солнышке и раскуривал трубку немолодой мужчина с изрядным брюшком, снисходительно поглядывая на прохожих. Одет он был в кипенно-белые штаны и рубаху, поверх них — в узковатый парчовый жилет, багряно-золотой, с тремя расшитыми поясами, а на плечах висел, как плащ, бархатный кафтан, бордовый, с богатой вышивкой блестящими нитями и меховой оторочкой по подо-

лу и по рукавам... Словом, всё в его облике и манерах говорило о большом достатке и немалом влиянии в столице.

Когда Фогарта прошла мимо него, на ходу разглядывая колбу с мирцитом, мужчина выпучил глаза, как рыба, и трубка выпала у него изо рта, а напوماженная пегая бородёнка затряслась.

— Она, — выдохнул он, приподнимаясь — и тут же рухнул обратно на сиденье. — Девка эта... Как успела? Откуда?

А Фог тем временем низко склонилась над прилавком у самого выхода, намереваясь купить про запас несколько заготовок для «Штерры».

«Раз уж у меня есть теперь лишний мирцит, — рассудила она, — то почему бы не восстановить полностью отопительный контур на дирижабле? Да и систему циркуляции и очистки воздуха можно изменить... И баллон бы укрепить, но тут особые материалы нужны, это подождёт...»

Рынок шумел вокруг, переключался на разные голоса, звенел монетами — а потом вдруг затих.

Фогарта подняла голову — и увидела, что вокруг неё полукольцом стоят шесть воинов с морт-мечами и лезвия еле-еле светятся багровым, как за мгновение до атаки. А за спинами у воинов застыл, скрестив руки поверх пуза, мужчина в красном кафтани, и лицо у него аж пятнами пошло от ярости.

— Ты, — выдохнул он, поймав у её взгляд, и губы у него затряслись. — Попалась, девка. Ужо я тебя... тебе...

В первую секунду она не узнала его из-за ярких северных одежд, так непохожих на светлые накидки южан, а потом вспомнила это лицо, так же перекошенное страхом — но в других обстоятельствах.

«Купец из поместья Радхаба, который выкупал камни, сделанные рабами... — пронеслось в голове. — Я тогда пожалела его, не стала память подчищать, а, выходит, Сэрим прав был. И что делать теперь?»

Справиться с мечниками Фог могла бы, хоть и не без труда, но тогда наверняка бы пострадали и лавочники, и прохожие, которым не повезло оказаться рядом. Да и из города пришлось бы срочно бежать, после погрома-то — а ведь она так надеялась

найти здесь кого-то из кимортов, знакомых с Онор и Лиурой, чтоб не углубляться далеко на север. Её беспокоила судьба жрицы храма Пяти Ветров, выступившей открыто против Радхаба и его могущественного дядьки из конклава, да и к тому же могли на юге ещё оставаться рабы-киморты, и...

«Что же делать? — только и могла повторять она, застыв на месте. — Что же делать?»

Наверное, если бы мечники атаковали, то Фогарта решила бы. Но купец лишь продолжал браниться и брызгать слюной, суля страшные кары, гнев лорги и «тысячи клинков»... А зевак собиралось всё больше, и становилось ясно как день, что сражения не избежать.

И жертв тоже.

— А, уважаемый друг! — раздался вдруг приятный голос с сильным ишмирским акцентом, перекрывающий даже ругань купца, не говоря уже о любопытных шёпотах. — Вот мзда, которую ты хотел! Сколько смог, столько собрал!

Не веря самой себе, Фог обернулась — и увидела Сидше в хисте наизнанку, светлой стороной наружу, и с ярко-синим платком кьярчи, намотанным на голову и завязанным под подбородком. В руках у Сидше был мешочек на завязках, в котором что-то зазывно звенело.

Купец так оторопел, что даже забыл на секунду, как браниться.

— Какая такая мзда? — пробормотал он, озираясь на зевак. Взятки, на юге дело обычное, лорга накрепко запретил и повелел взяточников, пойманных на горячем, сечь кнудом на площади. — Окстись, с чего бы мне...

А вокруг было уже слишком много любопытных бездельников — и торговцев, которые бы не упустили случай насолить сопернику.

— Мзду за право торговать! — откликнулся Сидше, торопливо развязывая тесёмки. — Вот, погляди, тут золото! Доброе золото для доброго человека! Так-то теперь мне допущено... дозволено... Ай-ай, трудный язык — ваш лорги! — покачал он головой, цокая языком. — Но я догадлив, быстро дело разумею, вот, погляди, всё, как ты сказал... Ай!

И, неловко дёрнув за тесёмки, он оборвал одну из них — и из мешочка посыпались монетки. И мелкие, медные, и серебро... Покатились в разные стороны — и мечникам под ноги, и зевакам...

А много ли людей могут устоять, если деньги сами в руки идут?

Фог, опомнившись, подтолкнула монетки силой морт, разбрасывая их как можно шире — и воцарился хаос. Сперва подбирать мелочь кинулись нищие, затем и обычные прохожие... Когда за серебряной монетой наклонился один из мечников, затем другой, мешкать она не стала — и нырнула с ходу под прилавок, оставляя хисту висеть в воздухе, как пугало.

Исчезновение добычи, загнанной было в угол, купец заметил не сразу, а когда понял всё — завопил так, что прилавки затряслись, но Фогарта уже пряталась в дальнем переулке, пытаюсь отдышаться после бега, и размышляла, не надо ли ей теперь, в свою очередь, выручать Сидше. Пока раздумывала — он явился сам, посмеиваясь и на ходу сворачивая потуже бирюзовый свёрток, в котором легко узнавалась хиста, брошенная, чтоб отвлечь мечников. Синий платок-тюбан куда-то подевался, всегда аккуратно приглаженные волосы растрепались, а на фарфорово-белой, истинно ишмирской коже появился румянец.

Смотреть на него отчего-то было неловко.

— Задержался немного, чтоб кое-что подобрать, — улыбнулся он краешками губ, поднырнув под верёвку с развешенным на ней бельём. Огляделся по сторонам, кивнул сам себе. — Место хорошее, госпожа, но всё же лучше отсюда незаметно уйти, пока тот толстяк объясняется со стражей. Есть у меня предчувствие, что не встанет стража на нашу сторону, когда он с ней объяснится... Сможешь нас спрятать?

— Смогу, — вздохнула Фог, собирая вокруг себя морт. — Надо же было в первый день его встретить! И как он сумел раньше нас добраться до столицы?

Сидше пожал плечами и осторожно выглянул из проулка, чуть отодвинув в сторону чьи-то портки; на рыночной площади началась беспокойная возня, и стража сновала туда-сюда мимо прилавков.

— Несложное дело, если на примете есть хороший дирижабль. Видела, госпожа, сколько их над Ашрабом было? То-то же. А если заручиться помощью киморта, лететь день и ночь, то путь можно сократить вдвое, если не вчетверо. Но прежде чем рассуждать и догадываться, хорошо бы встретиться с остальными и предупредить их, что в столице небезопасно.

Он ни словом, ни взглядом не упрекнул её за то, что она пожалела купца тогда, в поместье у Радхаба, но вина всё равно сжала сердце когтистой лапой.

Сундук пришлось замаскировать под навьюченного гурна и следить за тем, чтоб он не взлетал высоко над брусчаткой. Бирюзовую хисту Фог превратила в серый кафтан с меховой опушкой — что-то среднее между одеждами бедных северян и кочевников-кьярчи, а волосы сверху замотала вдовьим платком — перекрасить их с помощью морт бы не вышло. И велик был соблазн принарядить Сидше в броское алое и серебряное, как давно мечталось, однако она сдержалась и всего лишь преобразовала его хисту — ту самую, сделанную в Кашиме из драгоценного камня — в длинный тёмно-зелёный плащ с капюшоном.

Стража, которая искала деву-киморта на летучем сундуке, скромной парой с бочкообразным гурном не заинтересовалась.

Спустя некоторое время обнаружился Сэрим — на площади с фонтаном за съестными рядами. Взобравшись на полуразваленный тюк с сеном, он играл на флейте, а на расстеленной рубахе перед ним поблёскивали мелкие монетки — немного, но достаточно, чтоб снять где-нибудь угол и несколько раз плотно отужинать. Фог и Сидше он узнал сразу, несмотря на маскировку, сноровисто собрал вещи и сделал знак пройти в таверну чуть поодаль, у большого дерева с широкими резными листьями. Там, внутри, за столом у окна уже сидели Онор и Лиура, отдавая должное жаркому из птицы, а Иаллам косился на них несчастно и кормил младенца коричневой жижей, страшноватой на вид; девочка, впрочем, ела с аппетитом.

— Вам кормилицу надо найти, — в сердцах бросил он, когда остальные заняли места за столом. — Я, между прочим, шпион и тайный посланник, а не нянька.

— И как тебя с такой глупой рожей и длинным языком только в шпионы взяли? — с фальшивым сожалением покачал головой Сэрим и осторожно забрал у него девочку. — Отдохни и перекуси пока, что ли... Ишь, как славно чавкает, красавица.

Иаллам сразу повеселел:

— Потому и взяли, что рожа глупая. Кто же поверит, что я шпион? Эй, разносчик, подойди-ка сюда и скажи ещё раз, что есть у вас посытнее и поострее...

К новостям о купце Сэрим отнёсся философски:

— Ну, чего-то подобного и стоило ожидать... Не сейчас, так позже. Мир-то вообще лишь чуток побольше пьяного дома Минраг в Шимре: если есть у тебя неприятель, то обязательно наткнёшься на него именно там, да ещё в самый неудачный момент, хоть ты тресни — и никак этого не избежать.

— Вообще-то избежать можно, — рассеянно откликнулась Фогарта, пытаясь зачерпнуть гуляш из горшочка так, чтоб в ложку не попал скользкий варёный лут. — Если, к примеру, в пьяный дом вовсе не ходить. Тем более учитель говорил, что там ничего интересного.

Сэрим аж поперхнулся, уставившись в столешницу. За ним раскашлялся Иаллам, и уши у него стали пунцовые. Даже близнецы — вот обидно-то — понимающе переглянулись, и Онор кивнула, а Лиура фыркнул, закатив глаза.

Фог стало обидно.

— Что? — буркнула она, ожесточённо разгребая гуляш. Чем ближе к дну, тем больше там было овощей. — Разве не так? — и уставилась на Сидше, который до сих пор помалкивал, уделяя больше внимания блюду с мясом, запечённым с ригмой, чем беседе.

— Всё так, — подтвердил он, быстро глянув из-под ресниц, и слизнул кисло-острый соус с кончиков пальцев. — В пьяных домах Шимры совершенно не на что смотреть, да и делать там, в общем-то, нечего.

И, хоть говорил он ровно то же самое, что и учитель Алаойш, но прозвучало это совершенно иначе — непристойно, скабрёзно даже. Фог покраснела до ушей и молча сунула в рот полную ложку гуляша, а Сэрим снова кашлянул и произнёс:

— Ну да неважно. Сейчас главное решить, что делать. Разумеется, ещё с утра я б сказал, что нужно лететь дальше на север, как только мы закончим с покупками... Но, как назло, я успел кое-что разузнать, и вот теперь думаю, что стоило б немного задержать-ся. Дело в том, что через три дня в Ульменгарм должна прибыть наместница Эсхейд Белая, а вместе с ней и Телор.

Онор вздрогнула и неосознанно потянулась к брату; тот сжал её ладонь и сглотнул, выдохнув:

— Учитель...

Фогарта деликатно отвела взгляд.

В первые дни после освобождения близнецы и слышать о Телоре не желали, потому что всё время, проведённое в плену, надеялись, что учитель придёт за ними. Однако он не пришёл; не справился и отступился, по косвенным свидетельствам посчитав их погибшими. Позже Онор узнала об эпидемии, которую он обрушил на Дабур, чтобы отомстить, и смягчилась; Лиура же до сих пор не мог определиться с тем, злится он на учителя или хочет поскорее его увидеть.

— Тогда подождём три дня и попробуем встретиться с Телором, — приняла решение Фог, крепко всё обдумав. Теперь, после того как она своими глазами увидела на рынке камень, обработанный Лиурой, и уверилась в том, что между работорговцами с юга и дворцом лорги есть связь, путешествие на север через половину страны уже не представлялось таким уж безопасным. — Подыщем жильё. Я не стану выходить из комнаты, чтоб не наткнуться на купца снова, а сам-то он вряд ли меня найдёт. Вы с братом поселитесь по соседству, будем держаться поближе друг к другу, — добавила она, повернувшись к Онору. — А припасами тогда придётся Сэриму заняться и...

— Мне? — надеждой спросил Иаллам, у которого под глазами виднелись отчётливые синяки от недосыпа.

— И Сидше, — безжалостно закончила Фогарта. И улыбнулась. — Потерпи немного, если всё пройдёт хорошо, то через три дня мы встретимся с Телором, а уж он наверняка сможет найти кормилицу для младенца. Ему-то это не так сложно: он на севере хозяин, а мы всего лишь гости.

— Которым к тому же тут не рады, — заключил Сэрим. И легонько хлопнул ладонью по столу. — Хорошо. Я и сам, признаться, собирался что-то такое предложить ... Так что побудьте пока тут, а я покуда поищу надёжное жильё. Уж что-что, а таверны близ рынка стража будет обыскивать в первую очередь.

Пропал он до самого вечера, до ночи даже; Фог пришлось его искать. Впрочем, новости он сообщил хорошие: мол, встретил старого друга, который-де подсказал обратиться к одной глуховатой нелюбопытной вдове на северной окраине города. У неё были свободны целых три комнаты — две на втором этаже и одна под самой крышей, с мансардным окном. Покойный супруг, мастер родом из Шимры, лет двадцать тому назад чем-то не угодил лорге и попал в тюрьму по ложному обвинению, так что доносить на подозрительных гостей вдова бы не стала.

— А ещё, — наставительно воздел палец Сэрим, — она изумительно запекает рыбу, так, что ни одной косточки в тарелке не попадётся. И делает настойки на травах, ух, вкусные... Ну, это так, к слову, — спохватился он. — Главное, что дом вдовы далеко от рынка. При должном везении мы там спокойно переждём три дня, а там уже и Телор прибудет в город.

...План и вправду был хорош, вот только им всё-таки не повезло.

Два дня Фог с компанией провела в доме у вдовы — рыба с пряными травами и впрямь оказалась выше всяких похвал — и на улице не показывалась. Тем временем Сидше и Сэрим постепенно закупили и припасы, и лекарства, и недостающее оснащение для «Штерры» — и втайне переправили на дирижабль. А утром третьего дня, на самом-самом рассвете, когда солнце ещё даже не выглянуло из-за горизонта, в дверь требовательно забарабанили. На пороге стоял дружинник — командир, судя по вышивке на вороте плаща и драгоценному обручу, прижимающему седые кудри к вискам — с двумя помощниками; ещё два десятка воинов окружали дом.

«И это те, кого я вижу, — отстранённо подумала Фогарта, разглядывая их сквозь мансардное окно. — А ведь наверняка есть

и бойцы со стреломётами... Сумею ли я всех защитить? И успел ли Сэрим вернуться? А вдруг его схватили?»

Командир, мужчина в летах и, видимо, умудрённый опытом, приказ об атаке отдавать не спешил.

— Орра, госпожа киморт, — произнёс он, сонно глядя из-под тяжёлых век, из-за чего карие его глаза казались ещё темнее. — Я воевода третьей столичной дружины, зовут меня Ирхан. От имени лорги и со всем почтением прошу тебя явиться на суд, ибо есть человек, который утверждает, что ты злоумышляла против него.

Фогарта зябко укуталась в хисту, запахивая её получше — воздух на рассвете был прохладным.

— А что, если я не хочу идти? — ответила она спокойно, глядя не в глаза командиру, а в точку далеко за его плечом — там, где над чёрно-красными горбатыми крышами только-только показался краешек солнца.

— Тогда тебя, госпожа, признают виновной, даже и оправдаться не дадут, — сказал командир Ирхан. И добавил вдруг уже человечнее, чуть улыбнувшись: — Судить будет сам лорга, а он строгий, но справедливый. Пустым наветам он не поверит. И киморту ли бояться человеческого суда?

«Я не за себя боюсь, — подумала Фог мрачно. — А за тех, кого не смогу защитить».

Два десятка морт-мечей нацелились на дом — а такой удар, да ещё с близкого расстояния было бы нелегко отразить даже учителю Алойшу, пожалуй.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я приду на суд. Но мои спутники тут ни при чём, так что если им навредят...

— Лорга справедлив, вредить невиновным он не станет, — качнул головой командир.

...а Фогарта вспоминала камень, заклятый Лиурой и как-то попавший с далёкого юга аж в столицу севера — и не верила.

Она выторговала час на сборы, надеясь, что Сэрим появится или хотя бы подаст знак, но так и не дождалась; утешало лишь то, что командир дружины никак не намекнул на то, что у него есть заложник. Зато времени хватило не только чтоб переодеть-

ся в чистое и нарядное, но и перекусить наскоро — и покормить ребёнка. Идти решили все вместе, не разделяясь: трёх кимортов разом одолеть всё же сложнее, чем поодиночке.

— А с сундуком — можно считать, что не троих, а четверых, — добавила Фог.

Лиура с сестрой заулыбались было, но затем увидели, как серьёзно закивал Иаллам, и тоже преисполнились почтения.

Когда настала пора выходить, солнце успело приподняться над горизонтом, позолотить туман на горбатых крышах. Воздух был ещё свежим, прохладным, но уже с примесью дыма из печных труб и запахов готовящейся пищи. А завтракали северяне обильно... Кто побогаче — гуляшом, который выкладывали на свежую лепёшку, маринованными яйцами, лесными ягодами и крепким травяным отваром; кто победнее — кашами, томлёнными в печи, хлебом, пресным сыром, сырым лутом и мочёной ригмой. Орехи же любили все, особенно колотые и прокалённые, и уличные торговки продавали их маленькими кулками прямо с лотков.

Сидше купил сразу несколько таких кулков, угостив и близнецов, и Иаллама; дружинники хоть и косились неодобрительно, но ни слова не сказали.

«Испытывает он их, что ли?»

Встретившись с ней взглядами, Сидше лукаво улыбнулся, точно подтверждая догадку.

Дворец лорги располагался на холме и точно парил над крышами — пожалуй, если б не вечные туманы, то его было бы видно из любого конца немаленького города. Две крепостные стены окружали его: внешняя — из серого камня, а внутренняя — из красного с белыми прожилками; семнадцать оборонительных башен высились по углам, и реяли на шпилях чёрные с золотом стяги... А прямо над воротами, в ветвях старого высокого дерева с пирамидальной кроной, виднелось сквозь бледную, сизоватую листву птичье гнездо.

Когда Фог проходила под ним, то увидела внизу, на дороге, мёртвого птенца.

Каменные ступени и террасы между внешней и внутренней стенами, возможно, хорошо подходили для обороны, однако идти

по ним было неудобно. Здесь пахло дымом, а ещё гурнами и звериными шкурами; во дворце запах только усилился, и прибавилась к нему кислотная, старческая духота, вонь от прелой соломки и затхлых гобеленов. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке; щербатая кладка стен пряталась стыдливо под многочисленными шпалерами, восхваляющими воинскую доблесть. Фогарта принялась сперва считать отрубленные головы и поверженных врагов, но вскоре ей надоело, тем более что других сюжетов почти и не встречалось. И только у самого зала, где должен был состояться суд, висел на стене огромный гобелен, от потолка и до самого пола, где рука неведомого мастера выткала прекрасные зелёные горы, и реки, и города из белого камня, и ясное-ясное синее небо, и жаркое солнце, а под солнцем — ясноокою деву в воинском одеянии, и в левой руке у неё была звезда, а в правой — меч.

— Это Брайна, — негромко подсказал командир дружинников, утирая пот со лба, и лишь тогда Фог осознала, что стоит и смотрит на гобелен уже несколько минут. — Есть легенда, что хоть Брайна и ушла давным-давно, но всё же приглядывает за нами и в час горя и нужды придёт на помощь. Пусть бы и в ином облике, в иное время... Люди-то всё те же.

— Твоя правда, — ответила Фог, заворожённо прикасаясь к краешку гобелена, и ощутила слабый, но живой отклик морт, долгие-долгие века сохраняющей гобелен нетленным. — Люди везде одинаковые. Что ж, идём. Южное гостеприимство и справедливость я уже видела. Посмотрим, как тут у вас, на севере.

По сигналу массивные двери, обитые медью, распахнулись с протяжным скрипом.

Зал суда изрядно напоминал пещеру. Света здесь не хватало, несмотря на стрельчатые витражные окна по правой стене и изобилие свечей и лампад, которые коптили, чадили и добавляли ещё духоты. В дальнем конце зала виднелось возвышение, застеленное звериными шкурами, с единственным креслом по центру — но зато богато украшенным, обитым кожей и серебром. У стен в несколько рядов теснились деревянные лавки — не то для свидетелей, не то для зрителей, как на представлении. Посе-

редине стояли два помоста, на каждом — по деревянному стулу, и на том, что справа, восседал уже знакомый купец в окружении охраны, разодетый с такой пышностью, что от блеска золота и камней на кафтан смотреть больно было.

То, что слева, предназначалось для Фог.

— Спутники мои ни при чём, я их только в Бере встретила и взялась до Хродды проводить, — соврала она, не моргнув глазом, обратившись к командиру дружинников. — Пускай они в стороне сядут, тем более что с ними младенец, а дитя уж точно судить не за что.

Поколебавшись немного, командир исполнил её просьбу и усадил близнецов и Иаллама среди зрителей, приставив к ним двух мечников — не то сторожить их, чтоб не сбежали, не то от беды охранять. Сидше же вместе с ней поднялся на помост и встал за плечом, словно так и надо — и не смущали его ни взгляды, ни перешёптывания.

— Зачем? — спросила тихо Фог. — Ты же всё равно лорги не знаешь толком... А если купец и на тебя ополчится?

— Тем хуже для него, — мягко ответил он по-ишмиратски и улыбнулся тонко. — Сколько ты дружинников насчитала? Я три десятка, если с теми, что за дверью остались.

— Я тридцать шесть... погоди, ты что, отвлекаешь меня?

Если Сидше и хотел ответить, то не успел, потому что вдруг коротко и торжественно взревели трубы, гулко отдаваясь под сводами, открылись настежь боковые двери — и к помосту, устеленному шкурами, прошествовал рослый мужчина в длинном плаще из стриженного чёрного меха с блестящей вышивкой по краю. Металлические подковки на подошвах высоких сапог высекали искры из каменных плит, а венец — неожиданно изящный, переплетение золотых цветов и листьев — утопал в седых, чуть курчавых и очень густых волосах.

Все вокруг тут же повскакивали и закричали невпопад «Слава!» и «Великий!» — и ещё что-то такое же нелепое.

«Лорга, — догадалась Фог, глядя на профиль, который напоминал о хищной птице, на кустистые брови и усы. — Как там его... Захаир?»

Для старика восьмидесяти трёх лет от роду лорга выглядел крепко — даже, пожалуй, чересчур. Широким плечам и безупречной осанке мог бы позавидовать и молодой воин; глядя на мощную шею и мускулистые руки, всадники-арафи, пожалуй, посчитали бы себя посрамлёнными. Лицо у Захаира напоминало треугольник, перечёркнутый пополам пышными седыми усами. Голубые глаза от возраста помутнели, и взгляд казался мрачным; на подбородке справа чернела родинка, на которую, верно, полвека назад многие девицы заглядывались, считая пикантной...

«Или нет, — подумала Фог с сомнением. — Тут, на севере, вроде иное считают красивым, чем у нас, в Ишмирите. Интересно, а я для них тоже дурнушка, как дома была? Мать у меня ведь северянка...»

Рубаху и расшитый жилет лорга то ли подобрал не по размеру, то ли нарочно застёгивать не стал, открывая взглядам тяжёлую золотистую цепь, украшенную красными камнями, которая спускалась почти до живота — подтянутого, с выпуклыми мышцами, словно у древних статуй. На каждом пальце у лорги было по перстню, на поясе — кинжал, на запястьях — наручи, на ногах — поножи, и от всего этого так несло морт, что её хватило бы на целую армию, хоть и небольшую.

Хоть кимортов лорга и не любил, но плодами их трудов, по-хоже, охотно пользовался.

Пока Фог разглядывала его, через ту же боковую дверь в зал вошёл ещё отряд дружинников — дюжина немолодых суровых мечников в чёрных плащах, а также писцы, советники, шуты и почётные гости, и каждый занял своё место: кто за спиной у лорги, кто у его ног, на подушках из шкур, а кто — на краю по-моста. Все они вместе смотрелись живописно, но как-то слишком уж нарочито, словно кокетничали — только по-своему, по-воински сурово.

Когда передвижения прекратились, поднялся один из писцов, круглолицый и кудрявый, чем-то похожий на саму Фогарту, кашлянул, прочищая горло, и громко возвестил:

— В этот благословенный день лорга Захаир, Великий и Справедливый, Погибель для Врагов и Защитник Лоргинариума, явит

свою мудрость и рассудит непростое дело. Ибо Дурген Щедрый, сын Иргена, обратился к нему за милостью и возмездием против киморта с востока. Ибо есть оскорбления, что смываются лишь кровью, и есть угрозы, которые нельзя оставлять за спиною, ибо они несут зло для всего государства...

Он говорил бы, верно, ещё, но тут лорга махнул рукой и сказал:
— Начинайте.

После этого первый писец сел на место и прилежно открыл тетрадь, зато поднялся второй, более солидный, толстоватый, с окладистой бородой, и простёр руку, зычно провозглашая:

— Назовите себя!

Купец, который до того бросал на Фог злые взгляды, приосанился:

— Кхм-кхм... Бахвальство никого не красит, но если уж есть вопрос, должен быть и ответ. Имя мне Дурген, Иргена сын, скромный купец. Знают меня также в Ульменгарме как Дургена Щедрого, ибо на западной и на восточной окраине открыл я лекарские дома, а у южных ворот каждый десятый день раздаю беднякам еду, но разве это достойно упоминания? Что же до моих заслуг, то я продолжил обустраивать Южный тракт, как начал мой дед и как делал отец, и договорился о торговле напрямую с конклавом. И теперь Город Ста Чудес, Ашраб, покупает зерно, так необходимое ему, а в ответ поставляет драгоценные камни из дальних рудников и мирцит для наших мастеров. Что же я имею с этого, кроме небольшой прибыли, позволяющей содержать семью и помогать добрым друзьям и соседям? А имею я счастье знать, что веду жизнь, полезную для моего государя и народа! Таков я, Дурген, сын Иргена.

Пока он говорил, лорга согласно кивал, довольно сощурившись; а когда умолк — в зале поднялся одобрителный ропот, и зрители застучали каблуками по полу, выражая поддержку.

Так в Шимре хлопали актёрам после удачного выступления, вот только даже во дворце у ишмы от спектакля ничья жизнь не зависела.

— А я — Фогарта Сой-рон, — сказала Фог негромко, когда подошёл её черёд. Подумала, что бы ещё добавить, но ничего не

показалось достаточно важным и значимым — ни достижения её семьи, ни слава отца, известного мастера... а о своих приключениях в пустыне тем более говорить не хотелось. — Киморт из Ишмирага.

Получилось, вероятно, слишком коротко, потому что дородный писец, сделав пометку в тетради, засопел-зафырчал, словно большой гурн, и спросил:

— И что привело тебя на север, Фогарта, киморт из Ишмирага?

— Личные дела, — сдержанно ответила она.

Онор, которая до сих пор баюкала ребёнка, напряжённо взглянула из-под вдовьего платка, скрывающего лицо почти целиком. Но Фог не хотела без крайней на то необходимости упоминать о работорговле кимортами, пока не станет ясно, что сам лорга к этому не причастен... или хотя бы намерен скрывать свою причастность и сбросить со счетов замаравшего себя в неприглядных делах союзника.

К примеру, Дургена, купца из Ульменгарма.

Писец поёрзал немного, но всё же решил больше дополнительных вопросов не задавать и повернулся к Сидше:

— А ты, добрый человек?

— Скромный торговец по фамилии Джай-рон, — ответил он, чуть наклонив голову в притворной покорности. — Сопровождаю ясноокую госпожу в счёт неоплатного долга перед ней и по зову сердца.

«И это ты-то не знаешь языка лорги?!» — хотелось воскликнуть Фог, но она только сдержалась и метнула яростный взгляд искоса.

Полностью, впрочем, проигнорированный.

Щёки у неё запылали.

По счастью, вряд ли кто-то в зале был знаком с особенностями иносказаний и образных выражений, которые бытовали в Шимре, а потому никто и не понял, что Сидше сказал буквально: «Я люблю эту женщину и обязан ей жизнью».

— Лжёшь! — неожиданно подскочил Дурген, вращая глазами; надо полагать, он наконец узнал человека, помешавшего ему

схватить Фог ещё на рынке. — Какой из тебя торговец? Я уже видел тебя на юге, когда...

— Но такого не может быть, великочтимый господин, — ребил его Сидше мягко. И снова улыбнулся, показав чуть больше зубов, чем прежде. — Откуда такому честному человеку меня знать? Ведь я продаю яды.

Лорга, до того наблюдавший за ними со скукой, неожиданно заинтересовался.

— Это правда? — сказал он, немного подавшись вперёд. — У нас, на севере, продавать яды могут только лекари и аптекари — и лишь для исцеления болезней.

— Истинно так, — склонил голову Сидше ещё ниже, но продолжил смотреть на лоргу уже исподлобья. — Потому здесь я простой путешественник. А в Кашиме есть у меня по личному дозволению сына михрани, добрейшего Ачира, своя лавка. Там я держу яды, умерщвляющие быстро и медленно. Эликсир из плоти мёртвого тхарга, двадцать дней пролежавшего на солнце, и выдержку из бледно-розовых цветов илинки; жидкости, извлечённые из жала красного жука чи и из маленькой железы в голове пустынной змеи, я смешиваю в равных пропорциях и получаю яд, убивающий без спешки, но верно. Яд ящера, живущего в синих барханах на северной окраине Земли злых чудес, любят покупать жестокие люди: если смазать им плеть, а потом хлестнуть ею до крови, то рана так и не заживёт, если не приложить противоядие... Есть у меня и высушенные цветы, ароматом и цветом схожие с чийной, вот только если добавить их в чай немолодому человеку, то он тихо угаснет за дюжину дней, и никто не заподозрит, что его отравили. И помнится мне, что некто, похожий на уважаемого купца Дургена, приходил в мою лавку за этими цветами... Или то мне померещилось? — добавил он с сомнением.

Купец хрипло выдохнул и замахал перед собой руками:

— Показалось, показалось! Я тебя в первый раз сегодня вижу, клянусь памятью отца!

Он не хуже Сидше знал простую истину: если кинуть грязью в белое — останется след, если запустить слух — его уже не выкорчевать. А для торговых людей репутация значит если не всё,

то многое. Кто захочет потом разделить трапезу с человеком, которого видели в лавке у продавца смерти?

— Ты, Джай-рон, потом расскажи мне больше об этих ядах, — приказал лорга вдруг, шепнув что-то седоусому дружиннику, что стоял справа от него. — Я ведь уже немолодой человек, и врагов у меня много... надо знать, чего опасаться.

— Счастлив буду оказать услугу доброму государю, — поклонился Сидше, прижав руку к груди, и на губах у него играла улыбка.

А Фог видела одобрительный интерес в глазах у лорги — и сама себе не верила:

«Что же это получается, пока перевес на нашей стороне?»

Писец, выдержав приличествующую случаю паузу, снова прочистил горло и громогласно объявил:

— Имена названы — согласно заведённому порядку, переходите к сути! Пусть один обвиняет, а другой оправдывается! От наветов воздержитесь, и лжи ваши уста пусть не изрекают, ибо за ложь и наветы закон сулит строгую кару. Государь наш лорга же в мудрости своей решит, кто прав!

Купец заговорил не сразу, хотя была его очередь — обвинять; видно, не сразу оправился от удара, нанесённого Сидше. Первые слова прозвучали неуверенно. Но затем голос окреп; появились в нём нотки праведной ярости, а в глазах — влажный блеск. Расписывая, как именно коварная дева-киморт уничтожила его повозки с товаром, купец даже пустил слезу и спрятал лицо в ладонях. Фог слушала — и просчитывала варианты, что сказать и о чём промолчать; и выходило по всему, что про Радхаба упомянуть всё-таки придётся.

«А если купец скажет, что это клевета? — думала она напряжённо. — А он ведь скажет, не признается же, что имел дело с работником и, скорее всего, выкупал камни, обработанные Лиурой, причём зная об их происхождении... Вызову я Лиуру в свидетели, а купец скажет, что ничего не знал и пострадал безвинно. И что тогда?»

Ответа не было.

— ...и, разрушив до основания дом моего друга, у которого я гостил тогда, — продолжал гневно вещать купец, — эта бессты-

жая женщина стала надо мной насмехаться! Я пытался усовестить её, а она поносила и мой род, и моё имя, и даже на имя государя моего возводила хулу! А затем и вовсе приказала своим прихвостням избить меня, да так, что я до сих пор не оправился! Горе мне, горе! Как пережить такое беззаконие, такое унижение? Как быть с моими товарами? Велики убытки, ох, велики... Эй, подайте список с убытками, — деловито обернулся он к своим сопровождающим.

Один из мужчин, стоявший позади него, которого Фог сначала приняла за охранника, достал из-за пазухи длинный свиток, перевязанный красной лентой. Купец встряхнул свиток, разворачивая, и в таком виде передал его писцу, а тот — лорге. Много времени чтение не заняло. Пробежав список глазами, лорга возвратил его писцу, а тот — передал младшим помощникам, которые убрали его в шкатулку и унесли прочь. Писец же обернулся к Фогарте, вопрошая:

— Сказанное здесь — правда?

Она уже начала понимать, как проходят суды на севере, и припомнила, что рассказывал учитель, а потому спокойно соврала:

— Нет. Ни единого слова правды. Во-первых, повозки с товаром и усадьбу Радхаба разрушила не я, а красный пустынный вихрь, садхам. Обидно? Соглашусь. Но бывает и так; а ещё бывает, что, скажем, в дом попадает молния, и случается пожар. Что же, обвинять в этом кимортов? Во-вторых, никаких приказов избить уважаемого Дургана я не отдавала и уж тем более не поносила его имя, хотя бы потому что услышала его впервые не более часа назад, в этом самом зале. Возможно, садхам обрушил часть потолка, и осколок попал уважаемому по голове... что ж, бесконечно сочувствую, но моей вины в том нет.

— Есть ли свидетели, которые... — начал было писец, но лорга раздражённо сделал ему знак замолчать и заговорил сам:

— Ты говоришь, что твоей вины в том нет, однако имя друга уважаемого Дургена, Радхаба, тебе знакомо, и в его поместье ты была. Объяснись.

Фог глубоко вдохнула, решаясь.

«Другого выхода нет».

— Всё очень просто, — произнесла она негромко. — Радхаб арх Ириль арх Ушар арх Талами, упомянутый почтенным Дургеном, не только надзирает за рудниками с мирцитом. Он ещё и рабовладелец. На юге это не запрещено, за одним исключением, и его-то Радхаб и нарушил... Он купил одурманенного киморта. Точнее, сразу двух.

— Ложь! — тут же вскинулся купец, и губы у него затряслись и побелели, а взгляд метнулся лорге, точно магнитом притянутый. — Радхаб — человек чести, он бы никогда... Это навет! Злостный навет!

«Началось».

— Отнюдь, — возразила Фог спокойно, хотя в душе у неё всё клокотало. Сейчас она не сомневалась уже, что купец прекрасно знал о тёмных деяниях Радхаба — и, скорее всего, сам помогал ему. — Мои слова может подтвердить Вещая Унна, жрица, одна из тех пятерых, что возглавляют конклав. Именно она раскрыла мне глаза на преступления Радхаба и направила меня, чтобы я спасла несчастных пленников. А вот что делал почтенный купец в поместье у работорговца, нарушившего запрет, подлого преступника — хороший вопрос. Уж поверьте, я никак не думала застать там, гм, приличного человека.

Шепотки, до сих пор тихие и робкие, с каждой фразой нарастали, как волна, пока не превратились в пересуды — почти во весь голос. Головы в полумраке склонялись одна к другой, снова и снова, длинные рукава у кафтанов, наброшенных на плечи, развевались — и издали казалось, что это волнуется разноцветное море... И только Лиура с Онор оставались неподвижными, как два изваяния, и Иаллам, спрятавшись за сундуком, качивал хныкающую Садхам.

«Я ведь всё правильно делаю?» — подумала Фог.

Сидше сжал её плечо и улыбнулся ободряюще — аккурат в тот момент, когда купец завопил в очередной раз, стискивая кулаки:

— Ложь! Наглая, грязная ложь!

— Ты говоришь, что ложь, а я — что правда, — возразила она, чуть повысив голос. — И что теперь? Устроим суд чести, как у вас принято тут? Будем биться насмерть, кто выживет — тот и прав?

Купец побледнел:

— Так ты же киморт...

— Так и ты выбери киморта себе в защитники, уважаемый, — негромко посоветовал Сидше. — Если найдётся такой, разумеется.

— Ы-ы... А-а... — Шум нарастал, и купец вращал глазами, не в силах выдавить из себя ничего осмысленного. — Свидетель! Пусть придёт свидетель!

«Какой ещё свидетель? — промелькнуло в голове у Фог. — Какой-нибудь его помощник? Или человек Радхаба?»

Но тут боковые двери, из которых прежде вышел лорга, распахнулись, и на пороге появился высокий мужчина, крепко сбитый, с массивным квадратным подбородком, седовласый, но с лицом без признаков возраста. Облачён он был в тёмно-красную хисту почти до пят и чёрную рубаху, а из-под подола торчали загнутые мыски туфель. Черты его выглядели смутно знакомыми, а стоило ему ступить на свет — и всё прояснилось.

«Он из Шимры, — осознала Фогарта, холодея. — Я его в цехе видела иногда, издали... И не его ли Сидше упоминал, когда говорил про сообщников Дуэсы?»

— Я Ниаллан Хан-мар, — сказал он, подходя ближе. Имя его указывало на более высокое происхождение, чем у Фог — из семьи потомственного чиновника или воина, а лицо было добрым и немного усталым. — Я киморт. В цехе я занимаюсь заказами от иноземцев и потому часто бываю и на севере, и на юге... И не знаю, честно признаться, в чём суть дела, но одно могу утверждать точно: Фогарта Сой-рон — никакой не киморт. Она лишь нахальная девчонка, сбежавшая, не закончив обучения. Гордыня — её второе имя, хитростью и подлостью она ускользнула из Шимры от опеки цеха. И, будь я на вашем месте, то не поверил бы ни единому её слову... И вот ещё. Если лорга Захаир в мудрости своей признает эту девчонку виновной в буйстве, причинении ущерба и оскорблениях, я бы попросил проявить милосердие и позволить мне забрать её обратно в Шимру.

Фог слушала его — и земля уходила у неё из-под ног, а мир дрожал, точно готовый рухнуть в любой момент.

«И что теперь?»

А лорга — его-то появление киморта ничуть не удивило — обернулся к ней и с тем же живым любопытством спросил:

— Это правда? Если так, то и впрямь я должен буду выслать тебя в Ишмират, Фогарта Сой-рон. А что до убытков уважаемого Дургена, то, думаю, цех Шимры их охотно возместит.

— Для цеха выделить сундук или два золота не составит никакого труда, — подтвердил Ниаллан, и его хрипловатый, точно надтреснутый голос звучал издевательски. — Или же, если почтенный Дурген, сын Иргена, будет настаивать, эта ученица сама исправит нанесённый ею ущерб. В конце концов, нет ничего дурного в том, чтобы отработать провинность, а юным девам подобает смирение.

Дышать резко стало труднее — совсем как тогда, в Кашиме, в лавке у работорговца. Морт сгустилась настолько, что фитили у свечей начали потрескивать, а пламя сделалось меньше и ярче. В глазах у Фог потемнело, и казалось, что ещё мгновение, и бурлящая сила вырвется наружу, сметая всё на своём пути, как поток в горах по весне — и вековые деревья, и древние города, и...

— Тише, — выдохнул Сидше еле слышно, склонившись к ней. Осторожно прикоснулся к виску, отвёл за ухо непослушный золотисто-рыжий локон — нежно, очень нежно. — Он же того и хочет, затем и злит тебя. В пустыне говорят: кто с ветром бранится, тот ответа не дожждётся... Но ветер всё-таки отвечает — как пожелает и когда пожелает.

Его дыхание ласкало мочку уха, как невесомые поцелуи, и оттого тело на мгновение охватила дрожь. Но — на удивление — в голове прояснилось, и гнев отступил,

«Нападать бездумно нельзя, — осознала она, мысленно повторив всё сказанное. — Только не сейчас, если только я хочу понять, как этот напыщенный тхарг в красном связан с Дуэсой и имеет ли он отношение к работорговле кимортами».

При мысли о том, что может быть замешан кто-то из цеха — и не один, не двое даже — стало не по себе.

— В Шимру я не вернусь, — громко и ясно произнесла Фогарта, повернувшись к Ниаллану. Сконцентрированную морт

она держала наготове, но теперь не для атаки, а для защиты. — Алаойш Та-ци научил меня всему, что требовалось... Важное и неважное он научил отделять тоже. Не закрывать глаза, когда видишь зло; не отступаться от дела, которое необходимо завершить. У Радхаба не случайно оказалось сразу два раба-киморта, и я найду тех, кто за ним стоит.

У Ниаллана ни одна чёрточка не дрогнула, точно вести о кимортах в рабстве были ему не в новинку.

— Дети... — выдохнул он и посмотрел на неё из-под приопущенных век; широкое его лицо лоснилось и на фоне красных одежд казалось распаренным. — Дети склонны преувеличивать. Ну что же, не беда. Долг цеха — наставлять и направлять в обучении тех, кто сбился с пути.

Фог захотелось закричать — на весь зал, нет, на весь город... нет, ещё громче, чтоб даже небо услышало.

«Если это ваш долг, то где вы были, когда меня пленили в Дабуре? — думала она, стискивая кулаки так, что становилось больно. — Где вы были, когда меня одурманили, раздели, обрядили в белую кисею, как рабыню? Где были ваши наставления и защита, когда я правда сбилась с пути?»

— Тебе нечему меня научить, — тихо ответила она, вкладывая в простые слова угрожающий смысл: *ну же, попробуй, оспорь, заставь меня склониться — если сможешь.*

— Цех решит — так или нет, — с усмешкой ответил Ниаллан, скрещивая руки на груди, и морт зазмеилась вокруг него, скручиваясь тугими жгутами. — Может, и найдётся киморт-наставник, который признает тебя готовой завершить обучение. Может, и сам Алаойш Та-ци вернётся по такому случаю, чтобы эти слова подтвердить... А пока прояви смирение.

Сказал — как пощёчину отвесил. А Фог медленно поднялась со стула, чувствуя дурноту. Все смотрели на неё сейчас, весь зал; десятки любопытных взглядов — и десятки злорадных, в которых читалось — поделом ей, дурной девке. И тоненько хныкала Садхам; и Онор с Лиурой сидели плечом к плечу, взявшись за руки, согбенные, перекошенные, точно разом рухнули на них всей тяжестью два страшных года в рабстве.

Лорга тоже смотрел — с прищуром, хищно, предвкушая потеху.

«Я должна бросить Ниаллану вызов, — пронеслось в голове, и стало одновременно страшно и легко. — Бросить вызов и победить. Другого выхода нет».

Такой способ был, и цех бы признал победительницу завершившей обучение. Вот только поединки не проводились уже лет двести... да и не сражались киморты друг с другом. Только не после пятидневной войны, навсегда изменившей облик мира.

«А Дуэса бы, наверное, не колебалась».

— Значит, нужен киморт-наставник? — раздался вдруг мужской голос, высокий и чистый, как звук туго натянутой струны. — Тогда, полагаю, и я подойду. Немного мне известно о деяниях этой женщины, но и того, что я знаю, хватит на дюжину взрослых жизней. Моё слово достаточно веское? Государь Захаир.

Лорга скривился так, словно откусил неспелую ригму — и нечищеную к тому же.

— Телор Кудесник.

Он ещё не договорил — а воздух в зале совершенно переменялся. Исчезла затхлая духота, запах прелой соломы и ношенных сапог, как в казарме, и свечной чад, и повеяло вдруг снегом — чистым снегом высоко в горах, и ломкими стеблями, и лесными цветами, блеклыми, но живучими. И тот, кто стоял на пороге зала, под высокой дверной аркой, тоже был увенчан цветами — мелкими лиловыми, и голубоватыми, и белыми. Его волосы, гладкие и светлые, спускались до талии, не сдерживаемые ничем, кроме цветочного ободка, словно бы сделанного детской рукой, и глаза были как весенняя листва на просвет, и вилась зелёная вышивка по рукавам белой рубахи и по высоким голенищам сапог для верховой езды, а на плечах лежал тёмно-зелёный плащ.

Онор вскочила, отбрасывая поддельный вдовий платок:

— Учитель! — и кинулась к нему со всех ног.

И Лиура тоже бросился к учителю, задержавшись лишь на миг — прижал ладони к лицу, резко выдохнул и побежал, как в омут нырнул. А человек в зелёном плаще — Телор, как назвал его лорга — обнял их крепко и посмотрел на Фог.

— Ты завершила то, что я не сумел, и вернула тех, кого я не смог спасти, — произнёс он тихо, но его услышал каждый, кто находился в зале — ибо никто, кажется, и дышать сейчас не смел. — Здесь, при свете дня, при свидетелях, я говорю: ты, Фогарта Сойрон, давно уже превзошла пределы, отмеренные простой ученице, а тот, кто это отрицает, или глуп, или завистлив. Равной я тебя признаю и как к равной обращаюсь; а если кто хочет оспорить это, то пусть шагнёт вперёд.

Телор умолк, но никто не двинулся с места, даже лорга, у которого лицо сделалось угрюмым и злым.

— А... как же убытки? — пробормотал купец, растерянно оглядываясь по сторонам, точно в поисках поддержки. — Убытки-то мне возместят?

Но Ниаллан Хан-мар, не слушая его, развернулся и вышел, ни проронив ни слова.

После этого даже присутствие лорги не могло удержать поднявшуюся волну. Зал охватило смятение. Точно буря налетела на зимний сад, и ветви, сбросив снежные шапки, затрепетали; точно пламя костра вдруг разгорелось на ветру, а тени пригнулись и заколебались. Шёпоты, поначалу деликатные и робкие, превратились в ропот; застучали по полу каблуки подкованных сапожек, зашелестела тяжёлая парча, и то и дело вспыхивал в полумраке самоцвет в драгоценном перстне на воздетой руке или вышивка серебром на воротнике при повороте головы.

«Как ночной шторм», — подумала Фог.

И ещё подумала, что она очень, очень устала и сил едва хватает на то, чтобы стоять, не горбясь, и позволять себе заплакать, и что если сейчас, сию же минуту её не отпустит, то суд она завершит сама.

Как сумеет.

— Потерпи немного, — тихо сказал Сидше и провёл костяшками пальцев ей по спине, сперва вниз, а затем вверх, так, что пульс участился, а тело сделалось лёгким. — Ты уже победила; вот только позволить тебе этого не могут, а значит, станут напирать. Если выдержишь натиск, то тебе предложат перемирие.

— Но не мир? — еле слышно спросила она.

Сидше ответил не сразу; потянул Фог за рукав, побуждая повернуться вправо, и шепнул:

— У людей с таким взглядом есть или слуги, или враги. А служить ты отказалась, Фогарта Сой-рон.

Ей не надо было пояснять, что он имеет в виду, потому что лорга сейчас отбросил лицемерие, не пытаясь уже сойти за благодушного и справедливого хозяина. Он сидел неподвижно, сторбив плечи, словно от непосильной ноши, и смотрел исподлобья. Ноздри у него раздувались от тяжёлого дыхания, глаза пылали, точно уголья, а пальцы до того стискивали подлокотник кресла, что казалось, ещё немного — и древесина лопнет.

Потом он сказал:

— А ну молчать.

И ропот стих — так гаснет огонь, если накрыть его стеклянным колпаком. Только Онор продолжала всхлипывать негромко, прижавшись к плечу учителя — или то был Лиура? А учитель то гладил их по волосам, то обнимал крепко-крепко, и серебристые облака морт ласково обнимали всех троих — нежная сила, мягкая... смертоносная.

«Интересно, — подумала Фог отстранённо. — А как я сейчас выгляжу со стороны?»

— Любопытное зрелище предстало нынче нашим глазам, — произнёс тем временем лорга, и в его низком голосе было куда больше угрозы, любопытства. — И всё же пора вернуться к делу. Тяжкие обвинения выдвинула киморт Фогарта. И, как и Дурген, сын Иргена, с трудом я могу поверить в то, что почтенный Радхаб — о котором слышал я, что он человек чести и великой доблести — нарушил бы древний закон и стал бы скрывать киморта-раба в своём доме. Да и как такое возможно? Киморт — что снежная буря, что селевой поток, что лесной пожар. И как его пленить? Нет, — качнул головой лорга, и свита его тут же принялась трясти бородами тоже. — Не могу поверить. Есть ли у ученицы... у киморта Фогарты Сой-рон объяснения?

Пауза была короткой, но многозначительной. Дурген-купец несколько приободрился, хотя взгляд у него оставался растерянным, а гонору поубавилось.

А Фог глубоко вздохнула, набираясь сил — и соображая, что можно рассказать, а о чём следует умолчать. Снадобье, одурманивающее кимортов, секретом не было, но использовали его чаще чтобы убить, а не чтоб пленить. Ведь дольше десяти дней подряд применять его нельзя... Да и не снадобьем удерживали Лиуру, а шантажом.

«...мне сказали, что если я буду строптивым, — прозвучал в голове надломленный, безжизненный голос, — то к сестре снова придёт мужчина. Новый мужчина всякий раз, как я не исполню приказа...»

Онор замерла, затихла — словно тоже вспомнила что-то, почувствовала. А учитель обнял её ещё крепче и произнёс, громко и ясно:

— Объяснения есть у меня. И свидетель. Алар, войди!

...и когда двери отворились снова, Фогарта почувствовала себя так, словно она вот-вот разлетится осколками, потому что человека, который ступил в зал, она узнала тотчас же.

И пусть волосы у него были иссиня-чёрными, как зимнее небо, а стали белыми как снег, как пепел; пусть глаза его сделались прозрачно-голубыми, как вешняя вода; пусть вместо ишмиратских шелков облачился он в обноски — чёрные штаны из грубого полотна, синюю рубаху и серый плащ... Всё это было неважно. Ведь он оставался прежним, близким-близким, нужным-нужным вплоть до родинки на щеке, до взгляда гордого и спокойного.

Прежним-то прежним, но чужим.

Едва скользнув взглядом по Фог, он прошёл мимо неё — с посохом эстры в руках, с незнакомым мечом, притороченным к поясу — и остановился прямо перед лоргой. Так же невозмутимо, как стоял он перед ишмой в своё время, точно помнил, что род его древнее и что не он должен кланяться, а ему.

— Я странник-эстра, а зовут меня Аларом, — сказал он, и каждое слово, произнесённое голосом таким знакомым, таким родным, было для Фог как надрез острым ножом; она смотрела — и наглядеться не могла, точно взглядом его пила, а чувствовала себя так, будто с неё кожу живьём снимают. — Путешествую от поселения к поселению по воле морт. Со мной ученица, девочка

по имени Рейна, киморт. Иногда, отлучаясь по делам, я оставляю её на попечение женщины — травницы и проводницы в горах. И близ славного города Свенна, на ярмарке, при всём честном народе, Рейну похитили. Ударили дубинкой по затылку, а после оглушили дурманным зельем и сунули в клетку наподобие звериной; ни прятаться, ни скрываться не стали, словно по праву действовали, по закону... И немудрено: ведь были это славные воины из двенадцатой дружины Ульменгарма. Из твоей дружины, добрый государь.

И стало так тихо, что слышно было, как трещат фитили у свечей... а потом лорга захрипел, точно задыхаться стал, или из груди у него начало прорываться звериное рычание. И сказал:

— Все вон.

Он ещё договорить не успел, но тут словно плотину прорвало. Люди ринулись к выходу, не заботясь уже о том, чтобы сохранить лицо — и зрители, и писцы, и даже Дурген-купец вместе со всей своей охраной, а стражники понукали отстающих. Только на Фогарту никто не смотрел, и Алара с Телором толпа также обтекала по сторонам, как прибывающая волна огибает прибрежный валун.

О суде и о приговоре никто и не вспомнил.

Когда Телор, по-прежнему не отпуская от себя близнецов, тоже двинулся к дверям и попросил следовать за ним, Фог послушно кивнула, ощущая себя куклой на шарнирах, которую стиснула и тащит куда-то безжалостная детская рука. Мир точно подёрнулся туманом. Что-то низко гудело — оборванная струна ли, ток крови в собственных венах, горны, призывающие к атаке? А затем оказалось как-то вдруг, что замок остался позади вместе с древними шпалерами, с духотой, с мрачной стражей и испуганными взглядами зевак. И что вокруг сад, и веет зеленью и печным дымом, и по правую руку — чёрная крепостная стена, а поодаль пасутся стреноженные гурны и расположился на постой отряд воинов в белых плащах, а по правую руку убегает вниз с холма, к трубам и черепичным крышам, растоптанная тропа. И Телор просит подождать немного, пока кто-то важный подъедет, чтоб можно было двигаться дальше, а Онор с Лиурой

жмутся к нему, как замёрзшие щенки, и Иаллам укачивает ребёнка, а рядом с ним — и откуда успел взяться? — стоит Сэрим, уперев руки в бока, и взгляд у него угрюмый.

Но Фог не смотрела и не слушала; для неё имело значение только одно, только одно было важно.

«Учитель».

На непослушных ногах она подошла к нему — о, какими длинными и тяжёлыми оказались эти несколько шагов! — и тихо спросила:

— Значит, Алар?

Тот обернулся; в глазах у него промелькнуло странное выражение, уголок рта дёрнулся, напряглась жилка на виске, точно от боли...

— Да. Так меня теперь зовут, — ответил он спокойно.

— Красивое имя. «Любимый»?

— «Желанный», — поправил он. И улыбнулся, не то неловко, не то смущённо: — Уж какое дали, бродяге-эстре привередничать ни к чему.

Под распушенным воротом рубахи виднелся шнурок. Уже зная, что придётся увидеть, Фог потянула за него — и достала амулет, камешек с выбитой на нём короткой надписью, не то отколовшейся наполовину, не то стёршейся.

В глазах у Алара промелькнул интерес:

— Знаешь, что это такое?

— Знаю, — кивнула Фогарта отстранённо. — Камень памяти, только незавершённый. Просто безделушка.

Брови у Алара выгнулись.

— Надо же, — откликнулся он с уважением. И взглянул в упор. — Может, и надпись прочитывать сможешь?

Она провела подушечкой пальца по символам, еле заметным уже. В голове крутились разные мысли — о незнакомой девочке по имени Рейна, занявшей место, которое принадлежало прежде ей, Фог; о другой женщине, травнице и проводнице, увидеть которую пока ещё не довелось; о том, что яркие одежды клярчи, право, смотрятся на учителя ничуть не хуже, чем белая хиста из варёного шёлка, на ощупь схожего с тонкой-тонкой замшей...

— ...Там написано «Фогарта».

— И что это значит?

— Уже неважно. — Перед глазами плавали золотые пятна, и Фог отступила. В груди стоял ком. — Я... я отойду ненадолго.

И — кинулась прочь, уже не думая о том, кто и что подумает.

Бежала долго, пока не выбилась из сил, а ноги не подкосились, и очутилась у чёрной стены, у старых камней. Сад превратился в заросли; клоки бирюзовой хисты висели на колючках, а из разодранного предплечья сочилась кровь, но Фог почти не чувствовала, словно онемела.

Она почти не удивилась, когда обернулась — и едва не утонула Сидше в грудь. Признаться, он тоже выглядел неважно. Одежда у него была в беспорядке; в волосах запутались веточки и сухая листва.

Фог выдохнула, обняла его — и разрыдалась горько-горько. Грудь точно сжало раскалённым обручем; горло сводило спазмом.

— Он меня не узнал, — всхлипывала она. — Не узнал, не узнал... Я думала, что готова буду, но... Отчего это так больно?

— Тише, — ответил Сидше, поглаживая её то по спине, то по голове. — Тише, ясноокая госпожа. Когда сердце разбивается, оно всегда сильно болит.

Сказал — а потом склонился ниже и поцеловал. Так, словно хотел все слёзы забрать себе; так, словно сам мучился от жажды, которую ничто не способно было утолить. Губы его были настойчивыми; язык то проникал глубоко, лаская, то дразняще плясал на кромке зубов... Нежные ладони оглаживали спину, шею, затылок; ногти покалывали чувствительную кожу на макушке, почти царапали. От него словно исходил жар, и в этом жаре плавилось то, что мешало Фог дышать и ложилось невыносимым грузом на плечи.

Сидше отстранился лишь тогда, когда слёзы у неё иссякли, а губы онемели от ласк.

— А с тобой такое бывало? — хрипло спросила она, комкая бессильно его хисту на груди.

— Да, — ответил Сидше странным голосом, точно бы виноватым. И снова поцеловал её, в висок, легко-легко. — Вот только что.

...Возвращаться не хотелось, но всё же пришлось. Тот, кого Телор ждал, так и не явился, зато послал весточку, что задерживается; после недолгих обсуждений из Ульменгарма решено было уйти и ждать уже за пределами городских стен. Фог почти не участвовала в разговорах; к ней, впрочем, никто и не лез ни по пути, ни позже, во временном лагере, позволяя сидеть поодаль, привалившись спиной к сундуку, и смотреть, как сгущаются сумерки. Не ощущая вкуса пищи, она поела; затем полезла зачем-то в сундук — и обнаружила, что там всё перевёрнуто вверх дном, а сверху лежит книжица в кожаной обложке, дневники Миштар.

Кто-то достал их — и вписал на последней странице торопливым, неряшливым почерком:

«...а днём позже мы узнаём, что на юге разразилась война — страшная, небывалая. Ночью Миштар уходит — и не возвращается больше никогда. Она, как и многие, многие, остаётся там — под песками, которые теперь расстилаются до горизонта, сколько может охватить взгляд. Я отговариваю Д., но он всё равно спешит туда, пусть уже слишком поздно. Пустыня поглотила всё: и плодородные прежде земли, и государства, что веками стояли там, и их правителей... и тех, кто начинал войну, и тех, кто пришёл остановить.

А сейчас пески пожирают даже крик — и не возвращают в ответ даже эха.

Миштар больше нет».

Когда Фог дочитала, то ощутила странную пустоту — и ещё лёгкость, точно сердце выболело совсем, насквозь, и оставило дыру.

— И что это значит? — прошептала она, закрывая дневник. Теперь он жёт руки — не взаправду, но держать всё равно было невозможно. — Я не понимаю...

Рядом кашлянули.

— Может, не стоит за эхом-то гоняться? — произнёс Сэрим, глядя в сторону и ни к кому вроде бы не обращаясь. Он стоял чуть поодаль, заложив руки за спину, и флейта торчала у него под

мышкой, нелепо и смешно, вот только смеяться не хотелось. — Пока не стало слишком поздно.

Фогарта прикрыла глаза, вспоминая дневники. Вот Миштар узнаёт о сбросе; ищет пути вернуть память и чувства, перебирает один способ за другим, пока не устаёт — и не отчаивается; вот начинается война, и Миштар спешит туда, чтобы остановить её...

«Потому что если сделать ничего нельзя, то хочется сделать хоть что-то», — подумала Фог.

А вслух сказала:

— Да. Ещё не слишком поздно.

Закат полыхал, как пожар; в груди было холодно.

Если что-то и болело, то искусанные губы.

Она глубоко вздохнула, собираясь с силами; подумала о делах на юге, ещё не завершённых; о кимортах, проданных в рабство, и о том, что их было, может, гораздо больше; о том, что лорга определённо знает что-то — и ещё что он не простит, не забудет того, что сегодня было сказано и сделано...

— Я почему-то не боюсь, — с лёгким удивлением сказала Фогарта. Поднялась, сунула бесполезную книжицу обратно в сундук, отряхнула хисту. — А ещё... а ещё я, кажется, проголодалась опять.

Сэрим посмотрел на неё долгим взглядом — и просиял.

— Это потому что ты умница, каких поискать, — потрепал он её по голове и, сунув флейту за пояс, торопливо потянул к кострам, откуда слышался смех и веяло запечённым на огне мясом. — Пойдём-ка, поешь нормально, а заодно и познакомишься со всеми... Ух, и дел у нас впереди!

Фог чуть склонила голову, признавая, что он прав.

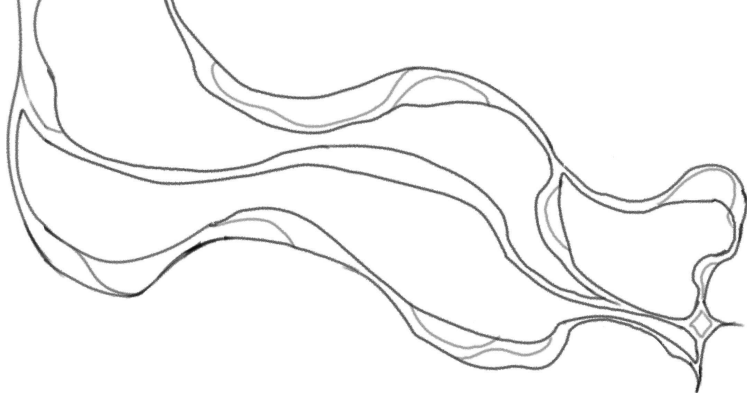
И впрямь, ничего ещё не кончилось — по счастью.

Всё только начиналось.

СОЮЗНИКИ И ВРАГИ

Алаойи Та-ци, Ульменгарм и окрестности

То, что пребывание в Ульменгарме сулит неприятности, Алар понял в первый же день, когда к Тайре подскочил какой-то проходимец и крикнул:

— А продай-ка платок, добрая госпожа! За дюжину... нет, за полторы дюжины медяков!

Продимец был хорош — кожа как снег, глаза как зимняя ночь; гибкий, но по-мужски статный, с блестящими чёрными волосами, гладкими, как зеркало, и обрезанными на уровне плеч. Улыбался лукаво, двигался легко — как ветер. Разумеется, красотой и улыбками Тайру было не пронять... Однако она и мгновения не колебалась — стянула с плеч расшитый кусок ткани, скомкала и кинула:

— Ну-ка, лови!

А в ответ получила не россыпь медных монеток, а одну серебряную.

— Эй! — крикнула вслед. — А сдача?

— Это за срочность! — махнул рукой проходимец и затесался в толпе у рынка, точно растворился.

Алар наблюдал за ним, привалившись плечом к борту телеги, а затем обернулся к Тайре с любопытством:

— Почему продала? У тебя ж это любимый платок.

— Честную цену назвал, а потом сверху накинул не много и не мало, а сколько надо, — невозмутимо ответила она, перекладывая что-то из одного сундука в другой. — Сразу видно, что взгляд у него намётанный, язык хорошо подвешен — такому и по-

мочь приятно... Хотя платка жаль, — вздохнула она. — Да и чую я, что его потом искать будут, а значит, к нам точно подойдет, цвета-то приметные. Впрочем, пустое это, отбрешусь. Как твоя голова, эстра?

Голову у него повело на рыночной площади, и поди пойми отчего — то ли солнцем напекло, то ли вчерашняя попойка с Тарри аукнулась, то ли морт взбрыкнула... Алар прислушался к ощущениям и вздохнул:

— Болит. Постоим тут ещё немного?

— Отчего не постоять, — ответила Тайра, пожав плечами. — Я-то никуда не спешу, наши вон, только прилавки раскладывают. Это ты хотел бежать куда-то и кимортов искать... Кстати, о кимортах. Где Рейна-то?

Рейна нашлась тут же, поблизости — сидела рядом с вайной и с интересом разглядывала мешочки с ароматными травами, которые та приготовила на продажу. Алар тоже подошёл глянуть, не найдётся ли среди них чего-то от головной боли, когда за рыночной площадью, близ рядов, где вели торговлю мастера, слышался шум, гам, брань. Что-то грохнуло, взметнулся поллог над чьим-то прилавком — небелёное полотно... Потом забегала туда-сюда стража, приставая ко всем, у кого было хоть что-то синее в одежде.

Разумеется, подошли они и к Тайре — она как в воду глядела.

— Видела ли я такого человека? — переспросила она, с прищуром посматривая на стражника. — А как же! Он у меня ведь тот платок и купил.

— А как он без платка выглядел? Э? — насел усач тут же, потрясая мечом, благо что хоть из ножен его не вынул. — Живо отвечай, окаянная!

— Ну, ну, не грози мне тут, — шлёпнула Тайра ладонью по ножнам и подбоченилась. — Отчего ж не сказать, разве ж это секрет? Рыжий мужчина в преклонных годах, глаза голубые, на щеке шрам приметный. Потому, видать, платок и купил — приметку закрыть... Добрый человек, а как же монетку мне за усердие?

Стражник брезгливо плюнул себе под ноги, однако же монетку дал — самую мелкую, ещё и гнутую в придачу. Тайра от-

казываться не стала и невозмутимо сунула её в поясной кошель. Когда стражник ушёл, Алар тихо спросил:

— А почему соврала?

— Потому что у того красавчика на роду написано Аю-Насмешника веселить, — усмехнулась она, запрокидывая голову к небу, где солнце плавало в дымке, как золотая монета в молоке. — Уж кому, как не мне, ученице вайны, знать такие вещи... А тем, кому Аю-Насмешник благоволит, любой кьярчи рад помочь — авось тогда тоже немного удачи перепадёт. Ну, как твоя голова?

— Положим, получше...

Но никаких кимортов в тот день искать они, конечно, не пошли. Рынок беспокойно бурлил до вечера: некий важный человек искал негодяев, посмевших его оскорбить, но тщетно — те как в воду канули. Торговля у табора шла бойко, даже слишком, так что Алара тоже пристроили стоять у жаровни с лепёшками, пока Рейна помогала вайне продавать травы. Вечер наступил незаметно, слишком быстро, словно набросил кто-то на город тёмно-синий платок, расшитый звёздным серебром. Бродить по улицам в темноте Алар благоразумно не стал и отложил поиски на завтра.

И тогда-то, почти сразу после рассвета, случилось то, чего он боялся после достопамятного случая в Свенне.

Рейну снова попытались похитить.

Переночевал табор спокойно, пусть и на отшибе, далеко за рынком, среди лачуг, жмущихся к узкой, грязной речушке. А утром, после плотного завтрака, Алар взял ученицу за руку и снова повёл на рынок — где, если не там, можно было узнать свежие новости? По пути, чтоб не заскучать, показывал несложные фокусы с морт. Рейна охотно подхватывала любые забавы; особенно ей понравилось перекрашивать деревянные бусы, подаренные накануне вайной, в разные цвета.

— А саму себя так поменять можно? — спрашивала она на ходу, дёргая его за рукав. — У Тайры волосы тёмные, а на солнце красным блестят — красота...

— Не выйдет, — развеял её мечты Алар. — Морт киморту навредить не может — это ты знаешь. Однако же есть и обрат-

ная сторона: ни вылечить себя, ни изменить также не получится. Но если тебе захочется подкрасить именно волосы, то тут ничего сложного нет, купим немного листьев клиппы и сделаем краску. Красного оттенка не выйдет, правда, скорее, рыжеватый, — добавил он задумчиво, проводя ей рукой по макушке.

Рейна засмеялась:

— Рыжий ещё лучше! Рыжие люди — самые красивые!

А Алар с трудом удержался оттого, чтоб не поморщиться: отчего-то при попытке вспомнить, как из листьев клиппы делается краска, звезда спутника начала зло вибрировать.

«И это запретное знание, выходит? — думал он, потирая висок. — Наверное, кто-то из моей прошлой жизни так же подкрашивал волосы ... Тоже киморт? Женщина... ученица?»

Сердитое гудение над плечом стало таким настырным, что Алар, недолго думая, сунул спутника в меч.

Солнце к тому времени поднялось высоко, а небо расчистилось. Торговля шла бойко; хозяева в лавках частенько скидывали цену — не иначе пребывали в добром расположении духа по случаю хорошей погоды. С самого утра в город вошёл ещё один табор кьярчи, в коричневых и охряных цветах, и сейчас с двух телег чернобровые красавицы в звенящих браслетах продавали вышитые платки, маленькие аккуратные кульки калёных орехов и раскрашенные фигурки гурнов из соломы. Было шумно и весело; носились вокруг дети, темноглазые и юркие, и кланчили у прохожих монетки, а мужчины, серьёзные и степенные, раскуривали трубки, стоя у жаровни поодаль.

А вот стражников было не видеть.

Прогулка по рынку затянулась, но результатов не принесла. Мастера в Ульменгарме охотно беседовали с эстрой, но вот подсказать, где стоит искать кимортов, увы, не могли. Кто-то советовал идти на север; кто-то советовал обратиться в крепость на холме — в замок лорги... Но большинство только руками разводили.

Промаявшись так несколько часов, Алар махнул рукой на поиски и обернулся к притихшей Рейне:

— Ты проголодалась? Если да, то давай зайдём куда-нибудь пообедать, а потом спустимся к реке. Я тебе покажу, как грязную воду делать питьевой.

— Очень хочу! — оживилась девочка тут же, бросив терзать верёвку, прикрученную к поясу — ту самую, которой она сумела из расщелины достать пострадавших людей, не прибегая к помощи учителя. — И поесть, и научиться воду очищать. А можно мне леденец в виде птицы ачир? Вон дяденька ходит, вразнос торгует, можно?

— Ну отчего нельзя, — засмеялся Алар. — А как вернёмся в табор, я тебе покажу ещё, как самой такие леденцы делать.

— Чтоб золотой был на просвет?

— Можно и золотой...

Он и сам не понял, в какой момент неопрятная старуха, причитая, потянула его в сторону за рукав, заклиная «пойти и пособить». Только успел ответить: «Сейчас, сейчас», — и обернулся, пытаясь отыскать глазами Рейну.

А её не было.

Сердце ухнуло в пятки.

Но прежде чем вздыбилась морт, подобно капюшону у пустынной змеи, и разметала прилавки и людей, как невесомый сор, раздался вопль — а затем ругань. Бранился мужчина, барахтаясь в пыли, и ноги у него стягивала верёвка, извивающаяся, как живая, а на щеке алел след, как от удара кнутом.

Другой конец верёвки был в руках у Рейны — бледной, хмурой, напряжённой, непохожей на саму себя; даже веснушки, кажется, поблекли на носу.

А на земле валялась тряпица, пропитанная чем-то и неприметная с виду — ну, мусор и мусор.

«Это дурман, — осознал Алар, потянувшись к ней морт, благо спутник до сих пор находился внутри меча и не требовал ни жертв, ни поклонения за свою помощь. — Дурман вроде того, который был в курильнице... Снова похитители?»

Старуха, отвлекаявшая его, попятилась — и ловко затерялась в толпе.

За считанные мгновения он преодолел расстояние до Рейны, перескакивая через прилавки и ничуть не беспокоясь об испорченном и разбросанном товаре. Очутившись рядом, в первую очередь похвалил девочку мягким голосом:

— Молодец. Хороший контроль и реакция тоже похвальная. Горжусь тобой, — а затем обернулся к притихшему разом мужчине, вытягивая меч из ножен, спрятанных на спине под плащом. — А теперь отвечай, кто тебя послал и чего тебе нужно. Солжёшь — отрублю ногу, солжёшь второй раз — руку. И поверь, ложь я почувствую.

Мужчина, крепкий, средних лет, с густыми бакенбардами и квадратной челюстью, сначала побледнел — а затем приподнялся на локтях и сплюнул в пыль:

— А ты кто такой, чтобы спрашивать? Стража! Эй, стража, тут смутьян!

Дружинники показались так быстро, словно поджидали поблизости, да ещё целым отрядом в дюжину человек. Среди них были две женщины, тоже, впрочем, рослые и грубоватые. Плащи и фибулы незначительно отличались от тех, что носили похитители в Свенне, но нечто общее угадывалось — количество узелков, узор вышивки... Командир, круглолицый и совершенно лысый, зато с бородой, торчащей, как лопата, с ходу пошёл на Алара, грозя мечом:

— Ты откуда здесь взялся и по какому праву клинок обнажаешь, чинишь разбой? А ну-ка, бросай оружие!

— И не подумаю, — ответил Алар спокойно и сделал знак Рейне отступить к нему за спину. — Этот человек пытался похитить мою ученицу. И я с места не двинусь, пока не узнаю, кто он и кем послан.

Бородатый побагровел:

— Да ты, никак, споришь? Не больно ли высоко нос задрал, а, бродяга?

Алар успел уже собрать вокруг себя морт — и продолжал нагнетать, а потому произнёс ровным голосом:

— Если кто нос и задрал, так это ты; а борода тебе, верно, всю округу заслоняет — ты и не видишь, кто перед тобой. Гово-

рю и советую услышать с первого раза: кто сейчас мне под руку полезет, станет моим врагом.

...стращал так — и посмотрел по сторонам, оценивая.

«Рядом люди, прилавки, товар; заведения важных людей, может. Здесь морт-мечом просто так не помашешь, значит, они будут осторожничать... Шанс у меня есть. Даже против... сколько их там?»

Выходило, что девять — если не считать тех троих, которые стояли поодаль и пока не вмешивались.

— Никак, грозишь нам? — рявкнул бородач. Но пальцы у него сами по себе сжались на скользкой рукояти, пытаясь удержать меч — ладони от беспокойства явно вспотели. — Долго ли ты выдюжишь, один-то против десятка?

«Первые удары так точно выдержи, а дальше уже вам о себе надо волноваться», — подумал Алар, но сказать не успел, потому что высокий незнакомец в тёмно-зелёном плаще вдруг шагнул из толпы, откидывая капюшон:

— А если он будет не один?

Незванный союзник оказался, пожалуй, смазливей, чем давешний проходимец: с кожей белой, как молоко, и нежной, как у ребёнка, с длинными светлыми волосами, убранными в косу, и с венцом из трав и цветов. Глаза у него были зелёные, большие, чуть вытянутые к вискам, но наивным или чересчур нежным его не позволяло назвать холодное выражение лица и уголки губ, чуть опущенные, словно бы за мгновение до презрительной гримасы.

А ещё незнакомец был весьма высок и очень силен — морт клубилась вокруг него, как туман, и благоухала весенним лугом.

Знали его в столице хорошо, по крайней мере, дружинники.

— Откуда?.. — прохрипел бородастый, вращая глазами... и согнулся пополам, кланяясь, так торопливо, точно от этого его жизнь зависела. — Прощу прощения, не признал.

— Приехал чуть пораньше, чем обещал, — ответил незнакомец певучим голосом. И махнул рукой. — Ступай отсюда. А это, — он указал небрежно на распростёртого в пыли мужчину, всё ещё связанного верёвкой Рейны, — я забираю с собой. Ты здесь ещё?

...бегущего вприпрыжку дружинника Алар видел впервые. А ещё — совершенно точно впервые в жизни видел киморта, который, сохраняя благородное выражение лица и достойную позу, тихонько подставил бы подножку из морт бегущему человеку.

Бородач упал и врезался лбом в прилавок; поднялся тут же, конечно, что б ему сделалось, медноголовому, но шёл после этого уже медленней, изрядно пошатываясь. А светловолосый незнакомец понаблюдал за ним ещё немного, а затем обернулся к Алару с дружелюбной улыбкой и кивнул:

— Не откажешься разделить со мной трапезу, эстра? Это пока полежит под лавкой, никуда не денется. Да и девочка за свою храбрость заслужила вознаграждение. Что ты там хотела, милая? Леденец в виде рыбки?

— Птички, — робко поправила Рейна и спряталась обратно за Алара.

Первый настоящий киморт, которого она встретила, явно ей не так уж понравился.

Да чего уж там говорить — напугал.

Вёл он себя, впрочем, дружелюбно. Толпу досужих зевак аккуратно разогнал, наполнив окружающую его морт особым стремлением, внушающим скуку, смутную тревогу и желание заняться своими делами. С Рейной говорил ласково, но ни дотронуться, ни приблизиться не спешил... А когда спутник вырвался из меча, и отдача заставила Алара пошатнуться — подхватил его осторожно под локоть и не позволил упасть.

— Ты хорошо держался, эстра, — заметил на ходу, свободной рукой накидывая глубокий капюшон и скрывая приметные белые волосы, а заодно и венки. — Но, прямо скажу, в прямом столкновении с дружинниками победителем тебе не выйти. Они, видишь ли, редко ходят по одному, а ещё реже — без оружия. Сколько атак морт-мечом сможешь отразить?

Неудачливый похититель, надёжно усыпленный морт, летел за ними по воздуху; судя по тому, что прохожие на него не обращались, видели они нечто совсем иное.

Незнакомец оказался мастером наводить мороки и дурить людям головы.

— Наверняка — полдюжины, — ответил Алар, против воли тяжело опираясь на подставленную руку: спутник вернулся на положенное место так резко, что накатила дурнота. — Если больше их больше будет, то как повезёт.

Ещё месяц назад он бы не отважился выступить и против троих вооружённых дружинников, но теперь, когда научился обходить некоторые ограничения спутника, то сил у него прибавилось.

«Если б я за одного себя отвечал...» — пронеслось в голове.

— Немало, — с уважением кивнул незнакомец. — Особенно для эстры, а не для киморта. Я, пожалуй, с дюжиной справлюсь, если лоб в лоб... Беда в том, что охотиться на кимортов они научились хорошо, и, пока трое-четверо буянов будут тебя задирать и отвлекать, остальные нападут из засады. Встречал ли ты морт-стреломёты?

От рыночной площади, от шумных рядов они свернули незаметно на боковую улицу. Здесь в подворотнях стоял стойкий неприятный запах, а окна домов были наглухо закрыты ставнями — без росписи и резьбы, самыми простыми. Зато и люди, попадавшие навстречу, не пялились с любопытством, а равнодушно отводили глаза в сторону — и сами стремились поскорее убраться с дороги... Рейна цеплялась за рукав Алара и смотрела только себе под ноги, сосредоточенная лишь на том, чтобы шустро передвигать ногами и не поскользнуться на гнилой шкурке от ригмы.

— Ещё не приходилось.

— И я раньше нечасто видел. А в прошлом году мне из такого стреломёта прострелили плечо, — произнёс незнакомец, и в его красивых глазах промелькнуло что-то ожесточённое, злое. Промелькнуло — и тут же пропало, а сам он улыбнулся дружелюбно. — Кстати, моё имя Телор.

Самое сложное было в тот момент не споткнуться.

«Видно, судьба».

— Тебя-то мы и искали! — вырвалось у Алара само. — Я Алар, а это моя ученица, Рейна.

Телор окинул их внимательным взглядом, особенно задержавшись на верёвке, свёрнутой в кольца и притороченной к поясу у девочки, словно кнут.

— Что ж, догадываюсь почему... Этот ведь, — киморт кивнул на похитителя, который послушно летел за ними, как привязанный, — не первый?

— Нет.

— А первый куда делся?

Алар только усмехнулся; уточнять Телор не стал.

Они свернули несколько раз, всё глубже забираясь в трущобы, пока не оказались у порога не то питейного дома, не то заведения ещё более сомнительного. На вывеске красовалась кривоватая голова гурна; из распахнутых окон густо пахло дымом, копчёным мясом... и свежим хлебом, из тонко-тонко смолотой муки, нежным внутри и с хрустящей золотисто-коричневой коркой снаружи.

— Как мама пекла, — пробормотала Рейна и шмыгнула носом, чуть горбясь.

О родном доме она вспомнила впервые с тех пор, как покинула деревню; Алар помедлил мгновение — и погладил девочку по голове широкой ладонью:

— Значит, точно стоит зайти.

— Несомненно, — кивнул Телор и улыбнулся вдруг озорно. — Тем более что кормят здесь даже лучше, чем во дворце у лорги, уж поверьте мне! Идём, идём, эстра, я угощаю.

Внутри оказалось на удивление чисто. Столы отнюдь не путовали, но найти свободное место оказалось несложно. Неблагополучными или грязными здешние завсегдатаи не выглядели, скорее уж диковатыми для большого города. Куртки из прочной, грубовато выделанной кожи; меховая оторочка на плащах и на голенищах сапог; ножи и походные фляги на поясах, украшения из зубов и когтей... А ещё у них было слишком много оружия для столичных обитателей, причём не благородных мечей, а луков, стреломётов и тяжёлых, грубых топоров из тех, какими можно перерубить не только молодое деревце с одного удара, но и шею лесного хищника.

За прилавком, у бочек с хмельным, стояла хозяйка, высокая, мощная женщина с широкими плечами, квадратным лицом, курстистыми бровями — и такими ясными, яркими голубыми глазами, что называть бы её некрасивой язык не повернулся. Две косы в руку толщиной лежали у неё на плечах, а плотно зашнурованный кожаный жилет поверх белой рубахи подчёркивал стройный стан и внушительную грудь. Две подавальщицы, бойко сновавшие по залу с подносами, полными кружек и тарелок, выглядели точь-в-точь как хозяйка — голубоглазые, с густыми волосами цвета дикого мёда, только носили не мужскую одежду, а платья — и были помоложе.

Телор, судя по всему, знал их хорошо.

— Мне того же, чего и всегда, милая, — сказал он, отловив одну из подавальщиц за юбку и коротко поздоровавшись. — Другу моему того же, но вдвое больше. А девочке принеси... Твоя младшенькая-то чего любит?

— Чаво подам, таво и любит, — ответила голубоглазая красавица грудным голосом, но, глянув, на Рейну, смягчилась. — Экая пигалица... Пирог с рыжей ягодой ишшь?

Девочка сперва сжалась, а затем, видно, вспомнила, что она киморт, и гордо распрямила плечи:

— У нас только красная ягода растёт!

— Вот и поишшь тада, — удовлетворённо кивнула подавальщица и двинулась куда-то в сторону кухни.

А Телор уже отыскал свободный стол у стены, на которой натянута была звериная шкура с пятнами и полосами, и махал рукой, подзывая остальных.

— Садитесь, садитесь, — указал он на лавку напротив, а сам устроился у стены, чтобы видеть входы и выходы из зала. — Я на свой вкус заказал, тем более что с местной кухней вы вряд ли знакомы... В Ульменгарм только сегодня вошли?

— Вчера, — ответил Алар коротко, умолчав пока о том, что путешествуют они вместе с табором; Рейна тоже благоразумно притихла.

— Оно и видно, — кивнул Телор больше сам себе. Взялся за капюшон — сползший рукав открыл изящное запястье с бра-